

С.В. Коньшев

МОЩЬ ВЕЛИКАЯ

Сергей В. Коньшев

Мощь Великая

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18038298

«Мощь Великая» / Сергей Коньшев: ИП Ракитская Э. Б. (R) «ЗРА»;

Москва; 2015

ISBN 978-5-00039-153-2

Аннотация

Роман «Мощь Великая» выполнен в жанре онтологической актуальной прозы. Здесь повседневная реальность и абстракция органично перетекают друг в друга, творя особый мир. Алексей Коврин, журналист, служит в дешевом таблоиде «Жёлтая пурга», мечтает добиться успеха. И судьба дарит ему шанс. Он начинает журналистское расследование зверского убийства своего коллеги. Так он погружается в каверзный мир разнообразных эзотерических учений и религиозных сект. В итоге Коврин не только раскрывает убийство, разоблачает одиозного властителя душ, но и находит ответы на вечные вопросы. ...и был ли случаен этот шанс?.. Книга рассчитана на широкий круг читателей в возрасте от 18 лет

Содержание

Книга первая	4
Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	39
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Сергей Конышев

Мощь Великая

Осторожно!

Книга может содержать истинные сведения о жизни.

Книга первая

Глава 1

Высокий мужчина в длинной дублёнке с капюшоном шёл по заснеженному лесу, каждый раз опасливо вдыхая морозно-трескучий воздух, который даже в строго лимитированных дозах мёртвой хваткой вцеплялся в горло своими острыми ледяными когтями, крайне затрудняя дыхание. Иногда уже представлялось, что ещё мгновение и всё – смерть. В такие критические моменты истощённое нехваткой кислорода и страхом сознание с ужасающими подробностями представляло картину: как, не удержавшись в этот раз, путник вдыхает воздух полной грудью и тут же превращается в громоздкую глыбу льда, которая через мгновение рассыпается на бесчисленные кусочки-льдинки. Льдинки эти, гонимые

ветром, разлетаются, отдаляясь друг от друга всё дальше и дальше, отчаявшись когда-либо снова встретиться. Они плачут. Страдают от осознания того, что они, некогда бывшие единым мощным тёплым организмом, теперь – лишь мизерные одинокие частички холода. А вскоре и воспоминания о едином бытии исчезают. Остаётся только неосознанное страдание, тьма, холод вокруг и внутри.

Сопутником высокого мужчины в длинной дублёнке с кашпоном выступал, одетый в не по размеру огромный тулуп, немолодой, худой, высокий, сутулый энергичный мужичок с перманентно бегающими тёмно-коричневыми, почти чёрными, мелкими, блестящими зрачками. Он, напротив, в таких погодных условиях чувствовал себя достаточно комфортно – постоянно болтал, часто курил и даже плевался.

– ...а я вот в детдоме рос... да. Старшие, помню, заставляли их обслуживать... носки стирать. Откажешься – в рыло... да, били шибко сильно – синяки аж чёрно-лиловые были, месяцами не сходили... да что синяки – рёбра ломали, черепа пробивали, ёпт...

Тут бывший детдомовец скривился в ностальгической мучительной улыбке и потёр под глазом, унимая фантомную боль от сошедшего десятилетия назад синяка.

– А спросят, говоришь, что упал, а иначе вообще убьют... факт! Ночи боялись – жуть! Судили ночью и казнили. Судья был и адвокат с прокурором... и палач тут же. Как же?! Всё как положено, ёпт... за день надо было бычков набрать

тридцать штук, и двадцать копеек... Не принёс – виноват. Всю ночь вместо сна будешь шестерить да получать от всех старших...

Сопутник откашлялся, смачно харкнул и, несколько раз пожевав длинными тонкими губами, продолжил скрипучим звонким голосом:

– Собачка в соседском дворе жила... дворняжка. Отрадой мы её прозвали. На цепи постоянно сидела. Хозяин у неё был... дед такой злобный. Как нажрётся – бьёт её почём зря. Смертным боем бил – сапогами и палкой... по морде, по хребту да по рёбрам. А она бедненькая скулит и преданно так смотрит на него, да хвостом виляет. Мы с ней через забор только обращались. Подкармливали её... старались обязательно за день для неё чего-нибудь стащить. Глаза у неё удивительные были, мы про них говорили – «говорящие глаза». Действительно – смотришь в них и понимаешь, что она хочет сказать: «Как я рада, что вы пришли и принесли мне лакомства, я вас очень люблю. Жалко, что не могу я с вами на улице порезвиться. И хозяина я своего люблю, хоть и бьёт он меня – вы не думайте, он меня любит, несчастный он: сыновей похоронил и старуху свою, вот и мечется душа его». Во, полагаю, душа была у собачонки этой! Мы мечтали выкрасть её у деда, уже подкоп начали было рыть, да не успели: забил он её... Приходим, значить, как-то, а Отрада наша на боку лежит не движется, кровь из пасти... А этот дед, своличь, около неё на коленях стоит и скулит, прямо как она, когда он

её дубасил. Видать, от её смерти ему ещё больнее было, чем ей от его побоев... Как же – последнее близкое существо сам загубил. Вот так... А ты зачем к Фатею-то? Захворал что ль?

Не отважившись открыть рот для ответа, высокий мужчина в длинной дублёрке с капюшоном постарался мимикой и жестами объяснить, что он по служебному делу, но, видимо, получилось не очень, потому как спутник сугубо недоверчиво произнёс:

– Ну, дело твоё. Только по пустякам его стараются не беспокоить – боком выйдет. Ладно. Всё – я дальше не ходок. Ты просеку пройдёшь и там скоро избушку увидишь – в ней он и живёт. Не сворачивай только. Тебе всё прямо – не ошибёшься.

На том спутник махнул рукой, указывая сопровождаемому путь, решительно развернулся и пошёл прочь.

Высокий мужчина в длинной дублёрке с капюшоном в нерешительности постоял, несколько проводил бывшего проводника взглядом, хлебнул из фляги и, перебарывая страх, медленно пошёл, с трудом, высоко поднимая ноги, обутые в непривычные валенки.

Скоро среди однообразных заснеженных ветвей протянулся абрис избы с треугольной крышей. Высокий мужчина в длинной дублёрке с капюшоном остановился, чтобы опять приложиться к фляге, после чего продолжил путь, отметив про себя, что нервничает.

Изба стояла посреди почти круглой поляны и не содержа-

ла в себе никаких признаков человеческого пребывания – старое сооружение с заиндевевшими оконными стёклами, бездымной трубой и абсолютным отсутствием следов на заснеженном окружье.

Вдруг стало совершенно очевидно, что проводник просто подставил его – взял деньги и завёл в лес, откуда уже не выбраться. Высокий мужчина в длинной дублёрке с капюшоном запаниковал. Понятно, что здесь никто не живёт и жить не может – здесь нет ни еды, ни тепла. Обратно ему одному без проводника не выбраться. Остаётся только одно – упасть в сугроб и замёрзнуть насмерть. Сердце рвалось из груди, в висках молотило, перед глазами всё поплыло. Высокий мужчина в длинной дублёрке с капюшоном машинально хлебнул из фляги. Коньяк чуть отрезвил его, и мозг судорожно начал поиски пути спасения, но, так и не найдя, снова спутал мысли в хаотичный панический клубок.

В очередной раз взглянув на избу, обладатель длинной дублёрки с капюшоном вздрогнул – в дверном проеме кто-то стоял! Быть того не может! Вероятно, это начались галлюцинации. Он протёр глаза, помотал головой – видение не исчезло. Похоже, действительно – в дверном проёме кто-то был. И мужчина в длинной дублёрке с капюшоном подошёл поближе, чтобы рассмотреть своего потенциального спасителя.

Это был мужчина возраста скорее преклонного, – судя по седым прямым волосам, свисавшим чуть ниже грудных

мышц, и глубоким морщинам, рассекавшим смуглое обветренное лицо. Телосложения он был худощавого, но при этом немощным не был, — в нём угадывалась сила, готовая в любой момент воспрянуть. Одет он был в серую широкую рубашу, коричневые, доходившие ему до щиколоток, свободные штаны. Головного убора на нём не было, собственно, как и обуви. При этом мороз, похоже, его не смущал вовсе. Можно было сказать, что он выглядит сурово, если бы не улыбающийся взгляд серых глаз.

Довольно долго мужчина внимательно смотрел куда-то вдаль, вроде бы, не замечая гостя. А потом вдруг, как бы между прочим, провёл взглядом по прищельцу и чётким быстрым жестом пригласил его входить, после чего быстро скрылся в доме, оставив дверь приоткрытой. Высокий мужчина в длинной дублёрке с капюшоном не стал ждать повторного приглашения и двинулся к дому.

Перешагнув порог, он к своему удивлению обнаружил, что в избе тепло и светло. Да и вообще, обстановка оказалась вполне совместимой с жизнью. Гость с удовольствием глубоко вдохнул и тут же закашлял, зачихал и заплакал одновременно от мириадов непривычных запахов, ворвавшихся в него. Наконец-то успокоившись, он протёр глаза и увидел хозяина, стоявшего напротив и беззвучно сотрясавшегося от смеха. Поняв, что тот потешается над ним, гость смутился и даже чуть оскорбился. Хозяин тем временем поднёс ему деревянный ковш с какой-то жидкостью и жестом пред-

ложил испить. Гость не стал отказываться и несколько раз глотнул тёплую, плотную жидкость. Стало тепло и спокойно, а многое и вовсе стало безразлично, захотелось спать, и он повалился прямо на широкую деревянную скамью, на которой сидел.

Проснулся высокий мужчина в длинной дублёрке с капюшоном прекрасно отдохнувшим, и это несмотря на то, что спал он на деревянной лавке без подушки и во всей верхней одежде. Потянувшись, он ощутил, что одежда его влажная и неприятно липнет к телу – видно, здорово пропотел за ночь. Сев на лавку, высокий мужчина в длинной дублёрке с капюшоном вздрогнул от ощущения, что за ним кто-то наблюдает. Он поднял глаза. Ощущение его не обмануло: за деревянным столом, стоявшим в углу комнаты, сидел хозяин избы, смотрел на непрошеного гостя прищуренными глазами и в свойственной, похоже, только ему манере, чуть заметно, но очень весело улыбался.

– А... о-о-о... доброе утро... вы уж извините меня за вчерашнее. Свалился вам как снег на голову.

Хозяин кивнул, как бы принимая извинения, и жестом пригласил посетителя за стол – угоститься чем-то, находящимся в большом горшке. Тут же гость почувствовал страшной силы голод. Он стремглав подбежал к столу и с неистовой яростью начал есть из горшка прямо руками.

Пища, которую не удалось в процессе поедания иденти-

фицировать даже приблизительно, обладала каким-то неизвестным, крайне привлекательным вкусом. Гость ел и ел, пока не опустошил весь, весьма объёмистый горшок. Позволив себе лишь минуту насладиться негой сытости в полной бездеятельности, высокий мужчина в длинной дублёрке с капюшоном нашёл в себе силы настроиться на рабочий лад.

– Спасибо, вам огромное за угощение... Фатей... вас ведь, кажется, Фатеем зовут... А по батюшке, простите...

Хозяин не отвечал, по его лицу пробежала тень, но он всё ещё улыбался.

– Ах, да, я не представился... меня зовут Алексей Павлович Коврин. Я журналист... из Москвы... еженедельник «Жёлтая пурга». Может, слышали? А вот про вас слухи докатились до нас... да. Знаем теперь, что на Урале такой замечательный человек живёт. Про вас такие вещи удивительные рассказывают: прямо волшебник вы! И людей лечите, и будущее видите. Вот я и решил про вас материал сделать – пусть люди узнают побольше о таком потрясающем соотечественнике. А вы давно здесь живёте? Это я к тому, что странно, что только теперь о вас стало известно – такие слухи обычно быстро распространяются.

Неожиданно хозяин, будто бы только что вспомнив о некоем неотложном хозяйственном деле, легко так и быстро поднялся из-за стола, схватил какое-то ведро и вышел из избы. Коврин было подался за ним, но вдруг ощутил, как бремя проглоченного угощения навалилось на него всей своей сы-

той тяжестью, всё стало как-то исключительно безразлично и он, тяжело вздохнув, привалился к стене. Несколько минут Коврин просидел совершенно неподвижно, а затем наконец-то решил оглядеть помещение, в котором пребывал, между прочим, со вчерашнего дня. Он находился в квадратной и, судя по всему, единственной комнате в избе; почти во всю заднюю стену расположилась русская печь, по левой стене вытянулась большая деревянная лавка – та самая, на которой он сегодня спал, справа стоял шкаф с мелкой хозяйственной утварью, в углу находился стол и лавка поменьше. В избе была идеальная чистота, и возникло странное ощущение, что каждая вещь стоит на исключительно для неё предназначенном месте.

Коврин взглянул на часы – был уже час пополудни, в два его ждёт проводник в условленном месте. Опаздывать было никак невозможно – сам он дорогу не найдёт. Выйдя из избы, он огляделся в поисках хозяина – тщетно. Было солнечно, безветренно и очень холодно. Коврин отметил, что на заснеженном окружье появились следы, и это были его вчерашние следы, а вот хозяйские следы по-прежнему отсутствовали. В этой связи напрашивался вывод, что хозяин никуда не ушёл и прячется где-то рядом. Коврин посмотрел вверх – на крышу, потом вниз – под крыльцо: хозяина там не было. Тогда он, рискуя здоровьем, осторожно вдохнул и робко позвал:

– Фа-атей. Уважа-аемый! Фате-ей!

Никто не отозвался, и Коврин спрятался от холода в избу. Там он просидел в ожидании хозяина с полчаса. Ждать дальше он не решился. Выйдя из избы, Коврин оглянулся напоследок, расстроено махнул рукой, сожалея о том, что не удалось выполнить задуманное, фаталистически втянул голову в плечи и поплелся аккуратно по своим вчерашним следам.

Проводник ждал в условленном месте, бодро покуривая.

– Ну, как? Удачно сходили?

В ответ Коврин неопределённо передёрнул плечами.

– Понятно... я же говорил, что Фатей – непростой человек, не надо было его по пустякам тревожить. Он человека сразу видит: кто с делом, а кто так. Его не обманешь. Тут приезжали к нему исследователи. Из Петербурга. Так они вообще к дому подойти не смогли: только приблизятся – у них животы скручивает, они падают и блюют. Так и ушли ни с чем. А тебя даже я насквозь вижу... Фатей небось и не поговорил даже с тобой.

Коврин обречённо кивнул.

– Я так и думал. Хорошо ещё, что он тебя с добром отпустил. Видать, понравился ты ему. А то...

– Что «а то»?

– А мало ли что! Может хворь какая приключиться или случай несчастливый какой... мало ли что. Всё-таки это – Фатей.

То, что Фатей – это всё-таки Фатей, Коврина беспокоило мало, а вот то, что не удалось взять у него интервью –

виделось очевидной неудачей. Не эксклюзивной, конечно, — таких в его журналистской практике случалось предостаточно. Сколько раз он переживал тот момент, когда представлялось, что вот он, шанс покончить с заурядностью, сделать что-то значимое, поймать удачу за хвост... стоит сделать небольшое усилие — и дальше всё пойдёт по-другому. А в итоге... в итоге всегда являлось разочарование во всём своём заурядном могуществе, безжалостно отвешивало Коврину звонкий подзатыльник и, взяв за ухо, усаживало его на свободное место в ряду таких же неудачников. Время лечило раны, опять появлялась надежда на следующий удачный случай.

И каждый следующий такой случай ожидается всё с большим энтузиазмом, а фиаско ранит всё глубже и глубже, ведь надежда на очередной шанс становится всё призрачней.

Вот и теперь вместо того, чтобы явиться из командировки в редакцию с сенсационным материалом, придётся самому сочинить интервью. А, действуя таким образом, как показывала обширная практика, ничего толкового не получишь. Такие материалы всегда за версту отдают фальшью и, естественно, все это видят. Виду, как это водится, не подадут, не печатают, даже холодно похвалят, поздравят, деньги заплатят... но серьёзным журналистом так не стать.

Вот и стоило ему напрашиваться на эту работу!? Ох, от этой мысли становилось неимоверно стыдно. Ему ведь действительно не предлагали этой работы. Он сам, когда на его

глазах трое журналистов отказались от этого задания, вызвался взять его. И вот результат!

Ладно бы он ещё просто не поехал, отдохнул пару дней и сам состряпал интервью, как он уже многократно проделывал это, так ведь нет – попёрся в эти снега, холода... надеялся на удачу... э-эх!

Удача – вот ключевое значение в судьбе. Одному всё само в руки плывёт, другой корячится, себя не помня – и всё тщетно. Кто только придумал эту чушь: больше работаешь – больше имеешь!? И ведь верят в это! Стараются, локтями машут... пока, выбившись из сил, наконец, не остановятся и не выглянут на свет Божий из своей всепоглощающей уже хронической депрессии и не увидят, что потеряли здоровье, любимых людей, приятные занятия, а имущества либо нет, либо всё в кредит, либо всё на лечение уходит. Суицид – неплохой выход из такой ситуации. Но есть и другие судьбы. У их хозяев есть всё: и любимые рядом, и денег море, и здоровье, и вообще – видится так, что они только чего ни пожелают, у них вот оно – тут как тут.

Помнится, Коврин брал интервью у одного из участников Ассоциации Психонейропатогенной Инженерии Человека, сокращённо ПНПИЧ, – как раз на эту тему. Готовясь к этому интервью, Коврин ознакомился с массой теорий удачи. Считается, например, что удача – это чистый случай, который исчезает и появляется в жизни каждого человека, когда ему вздумается; или что одному человеку везёт – другому

нет в течение всей жизни тоже лишь по воле случая; или что удача даётся человеку в определённом объёме на всю жизнь, а он уж сам распоряжается: когда и сколько её тратить; или что человек в состоянии брать эту удачу, когда она заканчивается, как колбасу из холодильника; или что удачу можно заслужить неудачами, страданиями; или что любая жизнь – это череда белых и чёрных полос; и ещё множество прочих других.

Интервьюируемый, в свою очередь, довольно убедительно, надо признать, рассказывал о закономерностях существования удачи. Он выделял четыре фактора, влияющих на удачу: какие человек испытывает эмоции, какие у него мысли, как он себе представляет жизненные цели и какой путь следования к целям выбирает. По словам ПНПИЧиста, с помощью специальной техники вполне реально сознательно воздействовать на эти факторы и буквально регулировать долю везения в жизни, как мощность звука на музыкальном проигрывателе.

По мнению ПНПИЧиста портрет баловня судьбы выглядит так. Он живёт для себя. Это значит, что такой человек ставит перед собой не те цели, которые нужны обществу, государству, друзьям, родителям или кому-то ещё, а чётко представляет, что нужно ему лично и действует исключительно для достижения этих целей. Живя таким образом, человек испытывает преимущественно чувство радости. Уже когда он ставит перед собой цель, он представляет себя в

будущей, максимально комфортной для себя жизни, в связи с чем уже испытывает радость, не говоря уж о той радости, которая будет сопутствовать ему по пути к цели и по её достижении. Такой человек любит свою жизнь, ведь она доставляет ему радость, а такое отношение к жизни неизбежно притягивает на сторону такого человека удачу. Просыпается счастливец с удовольствием, с радостью, с желанием начинает свой день. Ещё бы! Столько интересного и приятного ожидает его сегодня. В конце дня он отходит ко сну довольным и радостным. Ну конечно! Он получил столько положительных эмоций, а завтра его ждёт ещё более удивительный день, который подарит ему ещё больше радости. Конечно, такого человека можно назвать эгоистом. Однако, вот парадокс – от такого человека больше пользы окружающим, чем от какого-либо другого. Он успешен, здоров и радостен, окружающим с ним легко и приятно находиться, полезно общаться, с ним выгодно сотрудничать – конечно, ему же сопутствует удача!

Неудачник, на взгляд ПНПИЧиста, должен выглядеть следующим образом. Этот человек проживает чужую жизнь, действуя в чужих интересах. Такой человек «понимает», что он должен поступать так, обязан делать это, нравится ли ему это или нет. Он старается для Родины, семьи, друзей, рабочего коллектива, своей совести, чести или ещё неизвестно для кого или чего, оставляя себя обездоленным. Того, что нужно действительно ему, он зачастую даже и не видит за ворохом

мнимых обязанностей. Удача не любит таких людей и отворачивается от них. У такого человека жизнь не складывается, всё валится из рук. Это несмотря на то, что он прямо-таки выбивается из сил, чтобы выполнять навязанные ему обязанности. У неудачника скверный характер, он становится мизантропом, испытывает гнев, ненависть, отчаяние. Его преследуют несчастные случаи, болезни. Утром ему не хочется просыпаться. А зачем? Опять страдать, тянуть ненужную ему – чужую! – лямку, от которой уже кровоточат ладони и плечи, а отдачи никакой нет. Каждый новый день приносит только новые страдания.

Казалось бы, что проще – начни ты, неудачник, жить своей жизнью, и всё у тебя наладится. Тут существует рад проблем. Неудачник может просто не знать, что удача зависит лишь от него самого. Зачастую в таких случаях люди склонны все свои беды сваливать на судьбу – это, мол, она, злодейка, так над ним измывается. А раз так, то с судьбой не поспоришь – терпи, дружок. Если же неудачнику объяснить суть его проблемы – ему всё равно будет крайне сложно справиться со своими злоключениями. Невероятно трудно ему будет даже поверить в это, а уж тем более – применить эти знания на практике в своей жизни. Обычно неудачник боится всяких перемен, поскольку личный жизненный опыт говорит ему, что все изменения только к худшему, а потому уж лучше пусть будет так, как есть – хуже бы не стало. С таким отношением к жизни неудачник может поставить себе цель,

лишь ухудшающую его, и без того скверное, бытие. Ну, так обязательно и получится. Любимчик фортуны твёрдо убеждён, что всё к лучшему – так и происходит. Неудачник желает лишь одного – забиться в тёмный тёплый угол, запереться там, чтобы его никто не видел и не трогал. Счастливчик наоборот – открыт всему новому, ищет перемен, ведь они приносят ему только радость. Вот и получается, что перед первым жизнь закрывает свои двери, а перед вторым распахивает их настежь, предоставляя возможность наслаждаться любимыми благами.

Следующая проблема на пути к счастью – найти свою цель. Спросите у человека, чего он на самом деле хочет от жизни – мало кто ответит на этот вопрос, либо скажут, что много денег надо, либо затруднятся с ответом.

Тем не менее, ПНПИЧист уверял, что выход есть у каждого, даже у самого конченного неудачника. Надо только пройти пятиступенчатый курс школы ПНПИЧистов «Счастье вдруг вокруг» и всё получится – человек буквально переродится, изменится образ его мыслей, привычки, отношение к жизни, и он с неизбежностью станет счастливым. Секреты раскрывать для широкого круга читателей ПНПИЧист отказался, но одну тайну Коврину по секрету раскрыл: чтобы отыскать свой путь, достаточно идти туда, где тебе хорошо сейчас...

Тут показались дымки, свидетельствующие о приближении деревни, что сулило тепло, стакан-два ядрёного самогона и сытный обед. Коврин враз повеселел. Теперь-то он, оче-

видно, следовал путём счастливого.

Глава 2

Сев в поезд, утомленный Коврин сразу улёгся спать, а следующий день начался со знакомства с соседями по купе, которые оказались замечательными и, что немаловажно для совместного продолжительного путешествия железнодорожным транспортом, искренне выпивающими людьми. Отставной неунывающий полковник, угрюмый драматический режиссёр, только что поставивший спектакль в Свердловском государственном академическом театре драмы и забавный пенсионер рыбак с круглыми красными щеками.

Коврин быстро запьянел и уже начал вживаться в роль успешно выполнившего редакционное задание журналиста, ну и вообще успешного:

...— Не, ну вы представляете, они все отказались, говорят: «ничего не получится». Ну, а шеф наш, понятное дело, не решился мне предложить: всё-таки я считаюсь журналистом солидным, просто так в такую жопу не пошлёшь. Тут я сам подхожу и говорю: «Сан Палыч...» — это главный редактор наш, Сан Палыч... — «Сан Палыч, говорю, а давай я...» — «давай» — я с ним на «ты»... другим он, конечно, подобного амикошонства не позволяет, но меня старый разбойник любит и... позволяет... он, конечно, удивился: «Ты? Как? На Урал?» Я грю: «Чувствую журналистским своим чутьем, что отличный материал получится. Готов ради общего дела...»

В общем, как обычно я оказался прав – теперь отличный материал везу.

Слово взял полковник:

– Молодец, Лёшка, молодец. Я тебя сразу раскусил: талантливый ты парень, чертовски талантливый...

– Ну, не то чтобы уж...

– Цыц. Говорю – талантливый, значит – так и есть... я людей вот так вижу! – полковник поднёс к переносице варёное яйцо без скорлупы, на вилке, и вытаращился на него масляными глазами. – Так выпьем за талант! Давай – за талант!

Все выпили за ковринский талант, и полковник продолжил:

– А вот со мной случай был – обоссешься! Стояли мы в подмосковном городишке одном. Я чего-то, помню, загулял в Москве... ну, и как это часто бывает, захотелось мне продажной любви. Выбрал, значит, девку – спелая такая, помню, девка... с жопой! Нравятся мне сочные девки с жопами... и с сиськами... хотя вот сиськи не обязательно, но жопа наличествовать должна, во как!

Тут полковник каким-то странным образом выставил вперёд глубоко посаженные на густо покрытые чёрными волосами предплечья кулаки так, что всем стало сразу совершенно ясно, насколько девка должна быть сочная и какие достоинства она обязательно должна иметь.

– А моя жена дохлая, ни сисек, ни жопы – селёдка ржавая. Но по молодости не до жиру было – секса охота было регу-

лярного. А выбирать ни времени, ни условий не было – вот и женился... Ну, да ладно, сейчас не об этом. Так вот, взял я девку эту, с ней в такси и в городишко к себе. Ясное дело, не домой – там семья. Для этих целей гараж я решил употребить. Не мой гараж, знакомого капитана одного. У него тогда машины не было, вот он мне и отдал пользоваться. Гараж был отличный! Двухэтажный. На первом – машина, на втором – жить можно: отопление, удобства. Вот расположились мы наверху. Я ей: «Водка, коньяк», а она: «Нет, я только шампусик». Стерва, строит, значит, из себя леди. Ей бы леща да водки – и без разговоров. Но в ней леди, а во мне гусар проснулся. Ну, я её закрыл, чтоб не обворовала, а сам за шампанским побежал. Купил, обратно бегу. Осталось дорогу перебежать, и я на месте. И вот тебе на: на этой самой дороге меня машина сбивает. Без сознания в больницу загремел. Очухался я только на третий день. Глаза открываю: жена надо мной плачет. Я сразу-то про ту шлюшку-то и не вспомнил. Спрашиваю: «Что со мной?». Жена и отвечает, что вот, мол, дорогу пьяный переходил, машина сбила, теперь нога сломана, сотрясение мозга, более двух суток без сознания... И тут меня как шарахнет изнутри – вспомнил, значит. Ё ж ты моё, эта девка так там в гараже запертая и сидит уже третий день! Я жену-то успокоил, домой отправил. Сам скорее приятелю своему Пашке Иванову звонить. «Спасай, – говорю, – надо девку выпускать, пока она там с ума не сошла, и пока жена в гараж не попёрлась». Иванов ко мне в больницу при-

ходит за ключами, ржёт надо мной, конечно, шуточки скабрёзные. Я б и сам поржал... в другом-то положении. Ну, и пошёл он туда. Гараж открывает, а девка, видать, ополоумела в заточении: выбегает, глаза дикие, орет, как зверь, в руках огнетушитель. Иванова увидела и ка-ак шарахнет ему этим огнетушителем в башку! Хорошо он руки успел подставить, а так полчерепа снесла бы... Огнетушитель бросила и в лес убежала. С тех пор ни Иванов, ни я её не видели. Она всё это время пока в гараже томила, злость на моей машине этим огнетушителем вымещала – стёкол вообще не осталось, железо всмятку... А я тогда недавно только эту девяносто девятую купил – всего три тысячи пробежала и... да, вот так я погулял. Ха-ха-ха-хха!!

Коврин с полковником солидно и мужественно гоготали, режиссёр смеялся интеллигентно беззвучно, а пенсионер-рыбак заливался ребяческим заразительным смехом.

– Ну, теперь ты, режиссёр, творческая твоя душа, давай – потешь народ историей из вашей жизни.

– Да ничего особенного в нашей жизни-то и нет.

– Ты давай не кокетничай... нет, так соври чего-нибудь – мы поймём.

Режиссёр почему-то грустно посмотрел в окно и вздохнул:

– Ладно. Была вот забавная история. Давно, правда – в советское время ещё. Я тогда служил в одном провинциальном театре. Теперь даже город не вспомню. Ставил пьесу одного местного автора. Пьеса, понятно – говно. Что-то там

про современную комсомольскую молодёжь. Там сцена была, как встречаются молодой влюблённый комсомолец с не менее молодой и влюблённой комсомолкой. А играли этих пылко влюблённых юных особ, как это часто бывает, артисты которым за сорок уже. И вот идёт спектакль. Сидят эти влюблённые на лавочке, и после признательных слов комсомолец тянет губы к зардевшейся девственным румянцем щёчке комсомолки для поцелуя и вдруг ка-ак... я существенно извиняюсь — ка-к бзднёт! — понятно, совершенно произвольно. Но на весь зал же! Колосники мне в задник! На галёрке слышно! Вонь за кулисы и в зал поползла. Зал поначалу похихикивает, сдерживаются культурные провинциалы. Комсомолец, вместо того чтобы взять себя в руки и как-то заиграть конфуз, только покраснел, глаза выпучил и потерялся совершенно. И эта влюблённая комсомолка туда же: не удержалась и давай ржать истерично взахлёб. И тут у неё от смеха пузырь соплей из ноздри надулся, потом второй из другой ноздри, потом третий из обеих. Комсомолец увидел пузыри и тоже со смеху покатился. Ну не могут люди себя контролировать! Тут и за кулисами артисты все покатались со смеху, и зал. Ржали все до слёз. Спектакль сорван в итоге. Обычно когда накладки какие-либо в спектакле происходят, артисты стараются представить так, будто бы всё так и задумано, но тут случай беспрецедентный...

Слушатели смеялись пуще прежнего, с ними веселился и рассказчик. Ободренный успехом, режиссёр продолжил:

– Ха-ха... да вот... ха-ха... вспомнилась ещё одна история... ха-ха. Опять же в советское время дело было. Я, будучи молодым режиссёром, получил приглашение в одном узбекском театре пьесу дурацкую, морально-пропагандистскую поставить. Ну и, понятно, согласился – других предложений ждать не приходилось. Я и от такого-то предложения от радости чуть из штанов не выпрыгнул – всё-таки самостоятельная работа, да за хорошие деньги. А пьеса была про то, как простой советский рабочий выиграл в Спортлото автомобиль «Волга», – по тем временам счастье просто неземное. Так вот, когда он пошёл узнавать где и как приз получать, к нему грузин пристал, просил продать билет – тогда ведь, если помните, просто так машину купить невозможно было, надо было очередь многогодовую выстоять. Ну, а «Волгу»-то и вообще – нереально было простому смертному получить. Вот грузин, как представитель наиболее состоятельной национальности многонационального СССР, предложил мужику за билет двойную цену. А эта сумма по тем временам – зарплата этого рабочего практически за двадцать лет. Ну, подумал мужик подумал, да и продал. Тут его и схватили за спекуляцию. Ну, потом, понятно, судили... ну, вот такая история советского маразма, каких тогда полно было. И вот до премьеры два дня, завтра генеральный прогон, и тут сообщают мне, что исполнитель роли этого мужика-рабочего заболел, и очень серьёзно: ни на прогоне не сможет быть, ни на премьере. Ну, я в шоке – второго состава нет, за-

менить его некем. Что делать, я не знаю. Абгалдырь полный, в общем. Я в отчаянии. Директор театра вообще на грани нервного срыва – понятно, на премьеру вся партийная верхушка республики собралась, и даже высокие гости из столицы обещались быть. Предлагает мне, в общем, директор другого молодого артиста... как сейчас помню – Кляшин его фамилия. Имени, правда, уже не помню. На полноценные репетиции, ясное дело, времени вообще нет. Ну, мы вместо прогона с этим Кляшиным роль учили... да и роль – громко сказано... текст! Выучил он кое-как. В общем, идёт премьеры. Кл яшин неплохо держится. Хорошо ещё, роль такая: ходи вечно смурной да изредка бубни реплики себе под нос. Он даже умудрялся шпаргалкой пользоваться, ловко пряча её в рукаве. И вот наступает самая ответственная сцена – суд. Самая ответственная, потому что Кляшин там довольно объёмную речь говорит. Я слежу за ним, глаз не отвожу. И вот, подходит время его последней реплики. Если пройдёт, то считай всё – проскочили. Дальше там ни одного слова у Кляши-на нет. Судья спрашивает: «Кто же вас просил, уточните пожалуйста?» Кляшин чётко по тексту отвечает: «Он». Я расслабился – слава Богу, всё: дальше по сценарию Кляшин посидит на сцене минут пять молча, после чего уйдёт и больше не появится до поклонов. А судью играла Крашенинникова, местная звезда. Народная артистка республики, всеобщая любимица, в театре непререкаемый авторитет – директор с худруком перед ней расшаркивались. Так вот, когда

я утверждал на роль артистов, она отказывалась играть, ссылаясь на то, что ролей у неё и так много. А я тогда настоял, и не потому, что очень она мне нужна была. Мне было всё равно, – любая другая сыграла бы – спектакль бы не проиграл. Просто я был уверен, что отказывалась она не из-за занятости, а потому как не признавала меня за достойного мастера. Меня это, естественно, задело, и я решил самоутвердиться, потому и настоял. Проявил, значит, характер. А она затаила злобу и теперь, как подвернулся случай, решила мне отомстить... Так вот. Кляшин говорит свою последнюю реплику: «Он», а судья эта, стерва Крашенинникова, спрашивает – совершенно не по сценарию, но по ситуации совершенно оправданно: «Кто, он?». Сейчас поймете – почему. Кляшин этот по сценарию должен был, когда говорит «Он», рукой указать на грузина, а мы этот момент в спешке упустили – ну, это и понятно: нам бы текст выучить, уже не до тонкостей. Кляшин что делать – не знает, растерялся, молчит, а эта сука ещё масла в огонь подливает: «Ну, обвиняемый, почему вы молчите? Поясните суду, кого вы имели в виду, когда сказали «он»?» Ну, Кляшин вообще потерялся, пунцовый весь стоит. Я готов сквозь землю провалиться. Смотрю на партработников – они вроде ничего не замечают, но понятно, что это – дело времени. И тут грузин выручил.

Вскочил и говорит что-то вроде: «Да ты что, дарагой, говори уж – вот он я. Я сам признаюсь, что уж теперь...». Тогда Кляшин очнулся, указал на грузина и сказал: «Он». Вот так

всё удачно, в конце концов, закончилось. А партийное руководство на банкете в честь премьеры, когда подходили поздравлять, все как один именно эту сцену выделяли. Отмечали её «убедительность» и «натуральность». В общем, все довольны остались, кроме Крашенинниковой... хотя, может, и она была вполне довольна, что меня понервировала. Вот такая история.

На этот раз только смешливый пенсионер зашёлся смехом, заразив, правда, после и всех остальных.

– Да... а вот ещё гастролировали мы...

– Всё, хорош, режиссура... Теперь, для разнообразия, старшее поколение послушаем. Ну, старичок-рыбачок, давай, свою историю трави.

Пенсионер ещё с минуту смеялся над рассказом режиссёра или, может, над другим чем, и только потом начал свой рассказ:

– Я охотиться не люблю, больше рыбалку предпочитаю или грибы-ягоды пособирать. А вот друг детства мой – мы с ним с детского сада не разлей вода – вот он охотник заядлый. Вообще, он такой мужик, жёсткий, с характером, не зря полковник милицейский. Он меня иногда на охоту вытаскивает. Вот и в этот раз поехали охотиться: я, друг мой, капитан с его службы и капитана двоюродный брат. Идём по лесу, и как-то так получилось, что мы с полковником в одну сторону, а эти двое в другую. Ну, понятно, они помоложе, у них свои интересы, у нас, стариков – свои. Идём, значит, слово

за слово, природой наслаждаемся. Вдруг смотрим, этот брат капитана бежит прямо на нас, руки вверх растопырил, глаза выпучил, рот открыл, но молчит – видать, дар речи потерял. Подбежал, значит, к нам, мычит и пляшет вокруг нас. Мы ему: «Чёш случилось-то?». Он молчит, только жестами зовет нас за собой пойти. Мы, понятно, пошли, ясно уже – что-то серьёзное произошло, не до дури.

Прошли где-то с полкилометра, как брат капитана остановился и руками в кусты показывает, а сам подходить близко боится как будто бы. Ну, подошли мы к кустам, ветки раздвинули, смотрим, а там такое! На что полковник – человек привыкший – и тот остолбенел... Лежит там капитан на спине, вместо лица – бифштекс с кровью, а где левая глазница должна быть – рукоятка ножа торчит, здоровая такая. Я нож этот узнал: он им с утра передо мной хвастался. И, надо сказать, было чем – отличное оружие: клинок из дамасской стали, рукоять ореховая. Что произошло – ни хера не понятно. Ясно только одно: кто-то этот нож ему в глазницу по самую рукоятку вогнал. Понятно ещё, что это не лось и не кабан. Ну, дальше пошло-поехало – менты, прокуроры, следствие, версии и всё такое. Первое подозрение, ясное дело, на брата упало. Потом нас с полковником подозревали: мол, у полковника с капитаном служебные трения какие-то были, вот полковник меня в сообщники взял, и мы его грохнули. Должны были и брата его грохнуть, но тот с ума вовремя сошёл. Жутко неприятно всё это было... В итоге выясни-

лось, что никто капитана не убивал. Да-да! Спасибо экспертам-баллистикам. Оказывается, патроны оказались самопакованные. Такой патрон туго заходит в патронник, и капитан досылал его этим самым ножом своим распрекрасным. И вот в тот трагический момент задел капитан, получается, капсюлю ножом, из-за чего и произошёл выстрел, а гильза, выскочив из патронника, толкнула нож – и тот вонзился прямо в глаз так любившему его хозяину.

Русский человек особенно склонен к сопереживанию, когда пьян и всем доволен, потому эта история ввергла слушателей в особенно тягостное молчаливое сочувствие. Первым очнулся весельчак полковник.

– Да, ну и нагнал ты ужаса, грибак ты грёбанный. Ха-ха... а такой весёлый был. Йе-эх. Ладно, исправлю ситуацию. У меня, как и у капитана милицейского, безвременно усопшего, тоже брат двоюродный имеется.

Но, – полковник с комичной важностью поднял руку и все тут же расслабились и заулыбались, а пенсионер привычно залился смехом. – Но, на этом параллели заканчиваются. Мой брат – человек сугубо гражданский и охоту даже, по-моему, глубоко презирующий... Так вот, помните, при Горбачеве талоны на продукты были? Такие листки, на квадратик разлинованные, с названиями продуктов. Типа «Январь – гречка», «Апрель – чай». Купил товар – продавец квадратик соответствующий отрезает. Так вот, моего брательника жена в магазин постоянно засылала. Томиться он, значит, как-то

раз в очереди нескончаемой. Вокруг народ нервничает. Тут из бурлящей толпы мужик весь взмыленный выныривает и – к прилавку. Протягивает талоны и орёт на весь магазин тонким зычным голосом: «Э-э, девушка, отрежьте мне яйца и хрен». Тут старичок, не справившись с очередным приступом хохота, упал спиной на пол, схватился за живот руками и инфантильно задрогал ногами, чем вверх и всех остальных в безудержное веселье. Коврин самозабвенно хохотал вместе со всеми. Ему было очень хорошо тогда. Он купался в радости и веселии, испытывая самые добрые и искренние чувства к окружавшим его людям, и жаждал делиться – делиться с ними своими чувствами. Не прекращая смеяться, он начал рассказывать:

– С моим другом произошло. В молодости, когда они только встречались со своей нынешней женой, Аней. У Ани родители на выходные и на праздники уезжали на дачу, и квартира оставалась в полном её распоряжении. Надо ли объяснять, как влюблённые парень с девушкой использовали этот подарок судьбы? И вот как-то раз Олег – так приятеля моего зовут – выбравшись из горячих объятий любимой, направился в туалет. Расположился, значит: журнальчик листает, сигаретку покуривает. Тихо. Ночь. Вдруг слышит – дверь входная открывается и голоса. Родители вернулись. Олег, конечно, в панике. Родители Ани хоть и знали, что их дочь встречается с Олегом, но во всю глубину их взаимоотношений посвящены не были. Как тут быть – ситуация

патовая! Олег, в общем, застыл, пошевелиться боится, надеется, что Аня как-нибудь выкрутится. Вдруг, как гром разразился – тяжёлые шаги приблизились мгновенно, и дверь перед Олегом открывается. На пороге будущая тёща в немом крике замерла. Забыл, засранец, туалет закрыть! Вместо того чтобы рефлексировать, лучше защёлку проверил бы! Растерялся он вконец, только в полуобморочном состоянии на автомате произнёс: «Здрасте, тётя Вер, Аня дома?» Это он так, на автомате... Обычно, когда заходил за Аней гулять, мать открывала, он так и говорил. Представляете, баба к себе домой ночью приходит, ломится в сортир, а там парень её дочери на толчке сидит и выдаёт: «Здрасте, тётя Вер, Аня дома?» Хах-ха-ха!!!

– Ох, вот да, про девушек тоже вспомнил... и про засранца... – Режиссёр под давлением воспоминаний замотал головой. – В студенческие годы случай произошёл со мной – до сих пор в жар бросает от неудобства, как вспоминаю. То ли на первом курсе я учился, то ли на втором... не суть. В общем, как-то утром спешу я на лекцию. Дошёл до троллейбусной остановки, вдруг ка-ак прихватит меня – живот скрутило. И чувствую – сейчас разорвёт изнутри. Я назад посеменял маленькими шажочками – боюсь лишнее движение сделать. Прошёл так метров пятнадцать, смотрю, отпустило. Ну, я разворачиваюсь – и к остановке. Только дошёл – опять схватило пуще прежнего. Я опять к дому посеменял. Прошёл в этом кошмаре метров пятьдесят на этот раз и чувствую

– опять отлегло всё, будто бы и не было. Хорошо так стало, легко. Ну, я снова к остановке. Смотрю – троллейбус подъезжает. Так я чтоб успеть, на бег перешёл. Но, видно, зря я нагрузки повышенные организму дал – на бегу меня опять скрутило. Я встал, как вкопанный, застыл, сжался – изо всех сил своё держу. Пару минут вообще с места сдвинуться не мог. Так-то. Пока отошёл чуть-чуть, решил, что теперь точно домой дойду, облегчусь, даже если по дороге опять отступит. Иду, сосредоточившись, шажки стараюсь как можно меньше делать, дышать глубоко опасаюсь. Почти полдороги так преодолел. Начал чувствовать уже приближение спасения. И тут такой удар судьбы, что представить страшно... Я был тогда влюблён в девушку из нашего двора, Дашу. В любви, признаться, робел. Она, кстати, вполне возможно, испытывала ко мне ответное чувство – общалась она со мной всегда очень хорошо. Проверить, правда, это не пришлось... из-за этой вот истории, кстати! И вот я в таком вот состоянии и – она, любовь моя, ко мне навстречу порхает. Первая мысль – исчезнуть. Огляделся. Шансов никаких – справа стена, слева дорога, ни подворотни, ни подъезда, ни перехода. Абгалдырь полный, короче. Отчаяние и безнадёга. А она идёт вся такая счастливая, аж подпрыгивает. Меня увидела, заулыбалась. Руками замахала. И – прям ко мне. Я весь скрючился в нелепой позе у стены дома, стою – ни жив, ни мёртв. Подбегает: «Привет, – говорит. – Что-то ты, – говорит, – бледный весь, испариной покрылся, – говорит, – стоишь тут весь

скрюченный... заболел что ли?» А я ей: «Да, вот, – говорю, – что-то ногу свело, – сказал я первое, что пришло в голову, и указываю глазами на правое бедро». Ну, что я мог ещё сказать в такой ситуации!? Что стою, обосраться боюсь? А она: «Вот эту?». Я: «Эту». И она, любовь моя заботливая, находчивая, вдруг снимает брошь и всаживает мне иголку в бедро. Тут всё моё, всё, что я так старался всё утро внутри удержать, вдруг хлынуло наружу. Я в отчаянии глаза к небу поднял. А она спрашивает: «Ну что, полегчало?». Я молчу, облака разглядываю, про себя думаю: «Полегчало, а как же! Так полегчало... полное облегчение!» – «Ну ладно, – говорит любовь моя, – тогда я побежала...» Она быстро развернулась и пошла. Я посмотрел ей вслед. И увидел я как она, сделав пару шагов, от смеха прыснула. Меня резануло по сердцу – догадалась! Больше мы с ней после этого не общались... Вот такая любовь бывает!

После этой истории старичок смеялся несвойственно сдержанно, только чуть-чуть тихохонько похихикав, после чего взял слово, видимо, решив реабилитироваться после своего совсем несмешного рассказа:

- На рыбалку мы собрались большой компанией...
- Молчи, грусть, молчи, – взмахнул кулаками над старичком полковник, – опять весь праздник попортишь.
- Не, не. Сейчас весёлую историю расскажу. Правда, весёлую!
- Ну, смотри, грибак, я тебя предупредил!

– Значит, на рыбалку поехали. Человек двенадцать мужиков. Понятно, что половина едет просто водки попить – им рыбалка эта, как ежу весло. Вот выпивохи эти и устроили протест – не захотели до хорошего рыбного места идти, потребовали остановиться поближе. Пить же надо скорее, как же! Ну, ладно, что делать, уступили их напору, расположились. Поставили удочки – клёва ноль. Ну, для тех, кто понимает, ясно сразу – нет там рыбалки. После выпивки аппетит разыгрался. Конечно, была там кое-какая закуска, консервы там, бутерброды, но все на уху рассчитывали, а рыбы – нету. Решили с места сниматься и идти всё-таки на рыбное место. Ладно, пошли. Тут вдруг дождь зарядил – ливень страшный, стеной вода стоит, гроза, гром, мгла. В таких условиях с дороги сбились. Заплутали. Смеркаться начало, а мы в глухом лесу. Ходили-ходили пока силы были, а потом повалились все на землю – мочи нету. Дождь всё льёт, темень – глаз коли, лес густой. В таких условиях ни палатку поставить, ни костёр разжечь. Вот что делать? Протрезвели все, есть захотелось – уже сил никаких нету терпеть. Стали доставать у кого что осталось из провизии. Оказалось, что у всех по мелочи. У кого консервов банка, у кого баранки, у кого пара яблок. А вот у одного – котлет здоровый такой кулёк остался. Жена позаботилась, собрала. Как же – первый раз муженёк на рыбалку идёт! Но смех смехом, а тогда котлеты эти прям спасением для нас оказались. И водки было ещё вдвоём. Достали водку, котлеты, сели в круг. Налили прям по-

середине кетчуп с горчицей, в траву, и вот сидим – водку пьём, котлеты в горчицу и кетчуп макаем – закусываем. Скоро дождь поутих, и мы все пьяные да сытые вповалку заснули. Рано утром дикий отчаянный рык заставляет весь наш лагерь вскочить. В панике оглядываемся: что такое? Сначала я подумал – медведь напал. Но нет, не видать зверя. Потом смотрю – это наш орёт. Стоит, то есть, мужик чуть поодаль у дерева и рычит прям. Дико, как зверь рычит. Мало рычать, он мотается весь, запрокидывается, мечется и блюёт во все стороны, прям наизнанку всего выворачивает. Мы к нему: чё да как. А он рычит, остановиться не может, только одной рукой на место, где мы вчера пировали, тычет. Сначала не поймём, чего он показывает. Подошли, посмотрели. Ну, валяются там бутылки, окурки, пятно от горчицы с кетчупом осталась с ошметками котлет, мусор всякий... а потом, их-х, ядрена кочерга, мать честная! Там, вперемешку с кетчупом и горчицей... помёт лосиный. Я эти окатыши точно узнал. Оказывается, мы кетчуп с горчицей в лосиный этот помёт налили – в темноте-то не видно – и в это месиво котлеты тыкали. Так вот и поели мы котлет с лосиным дерьмом...

Так, в веселье, прошёл весь день. Уже за полночь все пьяные и довольные развалились по полкам, и только ещё с полчаса тишину нарушали хихиканья старичка-грибничка.

Наутро, стараясь не замечать недосыпания и абстинентного синдрома, новоиспеченные приятели распрощались очень дружно, обменялись телефонами и пообещали друг другу

обязательно вместе выбраться на рыбалку.

Москва... когда слышишь слова «Моя Москва» или «Москва – мой город», ухо всегда режет фальшь. Очевидно, что Москва не принадлежит своим жителям, наоборот – это они принадлежат своему мегаполису.

Москва забирает у человека волю, полностью подчиняя его своим законам. Москва – наркотик. Она даёт иллюзию эйфории, а затем начинает выкачивать из попавшегося на крючок силы. Москва, как чёрная дыра, обладая мощнейшей притягательной силой, поглощает все попавшие во влияние её гравитационного поля объекты, которые отдают ей себя без остатка, увеличивая её массу, исчезая в ней навсегда.

Такая вот властная, жёсткая Москва встретила только что прибывших поездом «Екатеринбург – Москва» москвичей и гостей столицы тёмным, хмурым, слякотным зимним утром.

Глава 3

Александр Павлович Шарвунец был несколько потрепан-ным жизнью человеком, дивидендов особых не снискавшим, давно уже во всём разочаровавшимся.

Но потрепан жизнью он, надо сказать, был так – ласково, по-отечески: невзгод особых не испытал, но и блистать не довелось.

Всю жизнь ему не хватало чуть-чуть. Чуть-чуть до золотой медали, чуть-чуть до красного диплома, чуть-чуть до поступления в аспирантуру, чуть-чуть до интересной работы, чуть-чуть до любимой женщины. Распознав в этих «чуть-чуть» определённую закономерность, угодил Александр Павлович Шарвунец во власть фатализма.

Под влиянием своего жизненного опыта и связанных с ним личностных эволюционных метаморфоз, Шарвунец давно потерял всякую амбициозность и даже гордость, благодаря чему сохранил редкую в нынешнее время искреннюю доброту, сваленную, впрочем, на самое дно сознания, венчало которое величавое равнодушие.

Александр Павлович давно уже пришёл к выводу, что удовлетворение собственным бытием человек может испытывать только на заре своей жизни – в детстве, отрочестве и в юности, когда всё ещё впереди, и живёшь ожиданиями и надеждами. В этой связи он любил повторять слова поэта:

«Тогда верни мне возраст дивный,
Когда всё было впереди
И вереницей беспрерывной
Теснились песни из груди.
В тумане мир лежал впервые,
И, чуду радуясь во всём,
Срывал цветы я полевые,
Повсюду росшие кругом.
Когда я нищ был и богат,
Жив правдой и неправде рад.
Верни мне дух неукрощённый,
Дни муки и блаженства дни,
Жар ненависти, пыл влюблённый,
Дни юности моей верни!»

Когда же понимаешь, что наступила, собственно, жизнь, какие-то из ожиданий уже не реализованы, а ждать реализации других планов особых оснований нет, наступает разочарование. Остаётся лишь слабая эфемерная надежда на непонятно что, и начинается поиск чего-то, иногда сознательный, иногда – нет, но всегда тщетный.

Переживая в своё время вспышки субъективного юношеского максимализма, Александр Павлович, конечно, мечтал о журналистских расследованиях политических заговоров, разоблачении шпионов, обнародовании коррупционных скандалов и прочем подобном. Однако судьба распорядилась иначе: Шарвунец вёл рубрики светской хроники, бу-

дучи внештатным корреспондентом различных советских, впоследствии российских газет. Потом он поступил на службу в популярный еженедельник «ТВ – Диван» редактором, где обрёл кое-какие связи, которые, убедившись, в отсутствии излишних амбиций у Шарвунца и его бесконфликтности, предложили возглавить скандально известный еженедельник «Жёлтая пурга», где он и служит до сих пор.

Возглавляемое им издание специализируется на публикации часто заказных и ещё чаще умаляющих достоинство и порочащих честь публичных персонажей материалов. Кроме этого, в больших объёмах публиковались шокирующие мерзости и их подробности, а так же слухи, выдумки, комментарии, подтверждения, опровержения, просто забавное и интересное, ну и банально – ничем не прикрытая провокационная бесстыжая ложь.

«Благонравный отец днём – ночью извращенец БД-СМ-зоофил», «Кровавая битва за тусы кумира», «Известный певец скормил собственную крайнюю плоть доберманам», «Пьяная звезда танцевала нижний брейк в собственной блевотине»; «Известный рэпер Титя сочинил свой лучший трек «Рыба, мясо – тусую как квас я» в психушке»; «Грудь Соньки: вместо силикона пластилин и вата»; «Мусясюс: «Тренируюсь только пупырчатыми огурцами»»; «Бывший замминистр задохнулся газами провинциальных проституток», «Пьяный фанат плюнул Кутяку в рот, когда тот тянул верхнее фа»; «Фекал-Рок банда «Туалетные грузчики»

налимонили попсовым «Малинкам» клубнички»; «Мальчи-
ковая группа «Клубни» с новым, пятым в этом году альбо-
мом «Ночной бриз на твоих сосцах»; ««Душа, сечёная хла-
мидиозом» – так называется прощальный тур Нака Таки-
на»; ««Меня засосала вагина» – презентация новой песни
композитора сексопата»; «Видеоклип на супер-хит «Усрусь,
но до тебя доберусь» снимал режиссёр-андроид»; «Величай-
ший прозаик современности Антон Заев прибыл на долго-
жданную встречу с министром верхом на двух порноактри-
сах»; «Художник-гипертрофатор-экзистенциалист Хукозин
представил инсталляцию, составленную из 10 000 унитазов,
искусно выполненных лично художником из помёта различ-
ных видов животных и птиц. Композиция призвана про-
чувствовать всю полноту апокрифичности программного де-
монстративного антиэстетизма»; «Говно-говно, насрать-на-
срать» – таково мнение известной телеведущей музыкаль-
ного канала «ЗвуМу-ТВ» Алисы Щекоталки о своих фана-
тах»; «Исполнитель роли карлика-вонючки Крючка в сериа-
ле «Пускаем слюни» Рома Карп уже более пяти лет находит-
ся в сексуальном рабстве своего продюсера»; «Ведущий ра-
диостанции «Му-да-Му» Артём Корка пропагандирует секс
с кетчупом» – такие и им подобные материалы сопровожда-
лись красочными фотографиями и яркими интервью участ-
ников, свидетелей и очевидцев.

Поначалу Шарвунец активно занимался журналом и да-
же лично участвовал в разработке большей части материа-

лов. Он находил такую деятельность забавной, усматривая в ней, по его выражению, «плебейскую пикантность». «Это как сиська вдруг из лифчика выскочит», – говорил он о «Жёлтой пурге». Энтузиазм быстро угас, и Шарвунец впал в привычную меланхолию и, держа под контролем только самые необходимые процессы, пустил еженедельник на самотек, что самому изданию, похоже, только на пользу пошло.

Теперь Александр Павлович у себя в кабинете обсуждал новый материал с молодым журналистом.

– Андрюш, ну, как же так? Ты пишешь: «Он клеился ко всем бабам, включая мужиков». Повнимательней. Потом, у тебя тут: «Завалий отправился в туалет что-то нюхать». Если имеешь в виду кокаин, то так и пиши, а то получается, что он пошёл говно нюхать.

– Ой, да, правда... как же я так? Я мигом всё исправлю!

– Да, давай – у тебя час. И вот здесь...

Тут дверь издала пару звонких стуков, распахнулась и показала улыбающуюся физиономию Коврина.

– Здравствуйте, Сан Палыч, позвольте побеспокоить?

– А-а, Лёша. Заходи, заходи. Как съездил?

– Всё отлично: материал готов – вот, – Коврин протянул шефу зелёную папку.

– Неужели получилось? А когда ж ты успел-то, ведь ты только... – Шарвунец заглянул в блокнот, – ...только вчера...

– Всё верно – вчера приехал. Всю ночь работал.

– Хм. Молодец. Откуда такое рвение?

– Очень материал интересный.

Коврин действительно работал всю ночь, только истинная причина такой спешки была в том, что ему хотелось побыстрее разделаться с этой неприятной работой и забыть про очередное своё профессиональное фиаско.

– Да? С удовольствием ознакомлюсь.

Александр Павлович отпустил Андрюшу, затем открыл зелёную папку и прочитал следующее:

«Близ одной уральской деревушки в одинокой избе живёт на первый взгляд ничем не примечательный, но на самом деле – просто удивительный человек. Зовут его Фатей. В деревне меня сразу обескуражили: «Если нет в тебе откровенной боли какой физической или душевной или ещё какого дела равного по важности, даже и не пытайся – не примет тебя Фатей». Я решил попробовать и не знаю уж, по какой причине, но по отношению ко мне Фатей оказался очень даже гостеприимным: в дом пригласил, накормил, напоил и спать уложил. Вот так! Широчайшей души человек. Впрочем, всё по порядку.

Не буду вас утомлять описанием того, как я несколько часов плутал по лесу в поисках избы Фатей, перейду сразу к главному. Выхожу на полянку, а посреди неё стоит избушка маленькая, неказистая. Вдруг дверь открывается и выходит мужчина почтенных годов. Глаза такие глубокие, добрые. Смотрит на меня, улыбается, а потом жестом в дом при-

глашает. Накормил он меня и спать уложил. А наутро мы завтракали замечательной пищей, которую раньше мне пробовать никогда не доводилось. А потом долго беседовали с Фатеем. Только на вопросы, касающиеся своей биографии, Фатей отказался отвечать наотрез. Видимо, есть на то особо важные причины. Но и без того беседа выдалась очень содержательной.

– Фатей, а правда, вы от всех болезней можете вылечить, даже от самых неизлечимых?

– Случалось, приходят люди совсем безнадёжные. Пожирут у меня, воздухом подышат, поговорю с ними, и легче им становится. Но в этом моей заслуги нет, это места здесь такие.

– Я слышал, и душевные раны вы излечиваете?

– Здесь человек обновляется полностью, душой и телом.

– А можете какой-нибудь случай рассказать, особенно замечательный?

– Женщина одна приходила, жаловалась – десять лет с мужем живёт, а детей нет. Так пожила у меня с недельку – и пожалуйста, в том же году тройню родила. Ещё девочку приволили с раком крови – жива и здорова теперь.

– Как вы здесь живёте, чем питаетесь?

– Пищу лес даёт, в основном летом, конечно, а на зиму запасы делаю. Ну и люд добрый приносит кое-чего полакомиться.

– А то, что вы судьбу предсказать можете, тоже правда?

– Кое-что могу рассказать о человеке. Иного насквозь видно.

– Ну, например, обо мне что можете сказать?

– Хороший ты, в общем, человек и в своём деле способный. Но много лишнего в тебе, хлам тебе глаза застит. Но всё у тебя хорошо будет и в личной жизни, и в работе. Наберись терпения только.

– Не хотели бы вы в Москву перебраться, людей лечить? Многие в вашей помощи нуждаются, но не каждый о вас знает и сюда добраться может.

– Мне здешняя земля, лес силы дают, без них я ничего не смогу. А в Москве и без меня хороших людей хватает.

Что ж, и то правда, в Москве хороших людей много, а вот Фатей – один такой на всю Россию. Вот так. Пообедали мы. Тепло попрощались, и отправился я восвояси, пообещав Фатею, что обязательно ещё к нему заеду. Возвращаясь, я побеседовал с местными жителями, которым посчастливилось общаться с Фатеем. Вот что они мне рассказали...».

Далее следовали несколько историй о чудесах Фатея.

– Ну, что ж, Лёш неплохо. Скандалу не хватает, конечно, всё уж очень гладко как-то... ладно, оставь мне запись интервью, я послушаю и подумаю, как какой-нибудь скандальчик приплести.

– Сан Палыч... дело в том, что этот дед сразу предупредил, что под диктофон ничего говорить не будет. Пришлось отключить.

– Хм, вот как? – Александр Павлович равнодушно взглянул на Коврина из-под очков. – Ладно, на счёт скандала в любом случае надо что-нибудь...

– Да, я уже думал об этом. Как вам такая история: Фатей был советским космонавтом, секретным, смертником. Посылали его на Марс, и вернуться оттуда он не должен был. Однако ракета при взлёте взорвалась, а он в капсуле упал на Землю, чудом выжил. Удивительные способности появились в результате стресса, связанного с катастрофой. А спецслужбисты как ни старались найти его, так и не смогли.

– Ну что ж, отлично. Подготовь тогда и всё. Отдыхай.

Коврин вышел из кабинета шефа и с облегчением выдохнул. Да, конечно, никакого сенсационного материала не вышло, героем стать, понятно, тоже. Однако задание выполнено, шеф, кажется, доволен – значит, будет заслуженное вознаграждение. Сейчас вообще виделось, что ожидать сенсации было слишком наивно. Ничего ведь особенного на самом деле и не было. И даже если бы удалось пообщаться с этим Фатеем, вряд ли это что-нибудь изменило. Ну что уж такое невообразимое мог бы он порассказать? Да ничего. Скорее всего то же самое, что Коврин выдумал, а может – и того хуже. Да, так бывает, перед началом какого либо дела или в его процессе представляется, что оно очень значимое, однако, как только дело сделано, сразу становится видна ничтожность плодов. Так и Коврин думал, что этот материал получится очень ценным, даже была мысль попробовать этот

материал напечатать в «Московском комсомольце» и в других авторитетных изданиях и тем самым прославиться. Но теперь-то было очевидно, что «Жёлтая пурга» для такой статьи самое место, даже если бы интервью было бы настоящим.

– Привет, Лёх? Как путешествие?

В невесёлые раздумья Коврина ворвалось небритое, бледное, интеллигентски утончённое лицо Вени Листана, его коллеги.

– А, а Вень, ты... да всё нормально. Сделал материал.

– Ну и что, это действительно волшебник оказался?

– Да, неординарный мужик.

– Пойдём, кофейку дерябнем, расскажешь.

Коврин попытался отказаться, но Листин проявил настойчивость:

– Пойдём, пойдём, у меня тоже есть что порассказать.

Коллеги прошли до ближайшего кафе и уселись за столик.

– Может, ликёрчику?

– Нет. Я за рулем, так что...

– Ну, ладно. Шеф доволен?

– Да, вроде всё нормально, кое-чего подправлю и всё – готово.

– Ну, расскажи, расскажи.

– Нет, Вень, не упрашивай, ты же знаешь, у меня принцип – до публикации материал не обсуждаю.

– Всегда поражался, зачем эти принципы вообще нужны? А, Лёш? Ты не задумывался? Так, чтобы при случае некото-

рые тупообразные моралисты человека за ниточки дёргать могли, как марионетку? В нынешнее время принципы только тормозят прогресс, мешают поступательному движению. Ну, ты, конечно, как хочешь... в сей час меня так и подмывает тебе про свою новую работу рассказать. Значит, так: мне заказали Ваню Барабунцова, представляешь!

– Ничего себе, у него же отец! – Коврин неподдельно удивился, присвистнул и поднял вверх палец, указывая на то место, где находится отец одной из самых известных эстрадных звёзд России.

– Не будем называть его фамилию... В том-то и дело! Цель – не сам Барабунцов, но начать пока решено с него. Кто-то очень мощно копать там начал. Кто – не знаю, и знать не желаю, но бабла мне отвалят – ого-го.

– Представляю! – Коврин даже не пытался скрыть зависть: такой заказ – подарок.

– Да, эти люди по мелочам не размениваются: если уж задумали дело, средств не жалеют. В общем, целый разворот мне дадут в «Пурге». И это – только начало. Потом и в другие издания пойдёт, а может, даже и по телеку. А видел бы ты, какие фотки и видео мне их спецы сделали! Это вообще такая жесть, не хуже той, из которой советская власть консервные банки делала! Что подделка – никакая экспертиза не докажет. Очень подкованные ребята. То, как они там после концертов каждый раз всем своим творческим коллективом с проститутками, – мальчиками, девочками, – оргии жгут за

кулисами – это цветочки. Там есть видео, как вся их обдолбанная компашка в аквапарке развлекается. Целиком аквапарк себе засняли и давай там оргии мутить. Секс без разбору, бухалово рекой, нюхают, колются, а в конце концов, аквапарк этот поджигают. Специально для развлечения. Выгорел весь! И, как оказалось, вместе со всем персоналом! Эти отморозки сами выбежали вовремя, а персонал заперли внутри! Пожарные приехали, а Барабунцов со своими не пускает их, чтобы зрелище не портили. Ценишь?! Есть ещё, как Барабунцов мента избивает – охрана держит, а он бьёт. Есть как на машине мальчика сбил насмерть – типа случайно камеры ГИБДДшные засняли. Есть, как едут по Москве в двух лимузинах, орут, из огнестрелов из люков палят по окнам, по прохожим, по машинам. В ресторане есть – очень мне нравится. Пьяный Барабунцов требует шефа – блюдо, типа, не понравилось. Приходит повар, Барабунцов ему жрачку эту в рот запихивает, рожу соусами-майонезами мажет, потом всё, что на столе в штаны этому повару суёт, после чего бьёт об его башку посуду. В итоге обливает повара водкой и поджигает – тот, объятый пламенем, в ужасе убегает. Наши герои, ясное дело, ржутнимогут. Конечно, не только заснято всё – полно «свидетелей». Ну, ты понял, – Листин сделал модный жест пальцами, заключая свидетелей в кавычки, – у которых я интервью буду брать. И ещё там всякой хрени масса! В общем, там всё писец, как непадецки. Ну, а я-то уж развернусь, такие комментарии разрисую... ты ж меня знаешь! А в итоге

мораль – вон он какой беспредел творит, и ему всё нипочём. Мало того, и не знала ничего общественность про проделки его, пока отчаянно смелый журналист Вениамин Листин, – запомните, люди, имя этого честного профессионала – такие люди в наше циничное время уже почти не встречаются! – не вытащил это всё на свет Божий. А почему? Потому, что отец всё прикрывал. Теперь справедливость должна восторжествовать. Далее следуют бурные аплодисменты восхищённой публики и куча бабла. Опа-опа-опапа!

– Да, молодец! Рад за тебя.

– Хм, да уж. Ладно, ты как-нибудь ко мне заскочи, я тебе материалы покажу. Ну, всё, я спешу на самом деле, просто очень уж рассказать хотелось. Всё, куда-покуда.

Листин мгновенно растворился, а Коврин остался сидеть, отдав себя на растерзание зависти, которая была в тот момент особенно зубаста. Почему же этому Листину всегда везёт, всегда ему чего-то такое горяченькое подкидывают, а главное – денежное?

– Привет, Лёш, чего такой грустный?

Коврин поднял глаза. Напротив сидела Аллочка Довлатова, довольно известная «тусующаяся» фотокорреспондентка, работающая в основном с солидными изданиями, но изредка печатавшая свои наиболее пошлые работы в «Жёлтой пурге» под провокационным псевдонимом Даша Саная-Обос. Аллочка обладала довольно обширными связями в мире бизнеса и власти, приобретенными этой миниатюр-

ной блондиночкой за счёт солнечного обаяния и искренней непосредственности. Её мимика, взгляд, голос заставляли мужчин любого возраста и социального положения таять и проявлять к этому созданию всяческую заботу. Да что там – мужики! Даже женщины к Аллочке относились очень хорошо, что вообще являлось самым отчаянным парадоксом, поскольку пользующаяся особенным вниманием мужчин женщина никогда не заслужит доброго отношения однополок.

Общаясь с ней, любой обязательно расплывался в искренней доброй улыбке. Ей было двадцать пять, но выглядела она лет на шестнадцать, наверное. Вряд ли кто-то даст многим больше. Звали все её не иначе как уменьшительно-ласкательно – Аллочка. Коврин не был уверен, что её продвигали мощные любовники. Не было уверенности даже в том, что они вообще у неё были. Иногда думалось, что у такого существа вообще не могло быть любовника априори – настолько невинным созданием она выглядела. Ангелочек, да и только! Мужчина должен был бы испугаться даже дотронуться до неё, чтобы не испортить своими грубыми пальцами столь хрупкое творение.

– А-а, Аллочка, привет, – Коврин невольно расплылся в широченной улыбке. – Да вот, только из командировки. Подустал немного.

– Куда мотался-то?

– На Урал.

– Я тоже только вчера прилетела.

– Откуда?

– Из Милана. Там показ мод был, много наших модельеров перфоманс давали.

Здесь зависть так больно вонзила свои зубы в Коврина, что он побледнел. Аллочка, заметив это, поспешила перевести тему.

– Слушай, Лёш, я смотрю, ты с Листиным только что общался...

– Ну, так не то, чтобы... – Коврин замялся, он знал, что Аллочка негативно относиться к Листину, а ещё он знал, что она очень хорошо разбирается в людях, а значит – такое отношение вполне справедливо. – Так, привет-пока... знаешь, как бывает, мы ж приятельствовали когда-то.

– Лёшик, ну, зачем он тебе сдался, ну что у тебя может быть общего с ним? Не вяжись ты с этим ублюдком, – даже откровенно грубые слова из уст Аллочки звучали как-то нежно, вот и этот «ублюдок», несмотря на все свои проблемы с легальностью появления на свет, виделся таким белым, пушистым мышонком. – Знаешь, все мы, здесь, конечно, не ангелы – не самым нравственным делом занимаемся, но всё-таки предел какой-то должен быть. А этот вообще всю свою совесть до капли продал, мразь подлая, – «подлая мразь» приобрела вид невероятно трогательной лупоглазой панды. – Ты слышал, что ему Барабунцова заказали?

– А ты откуда знаешь?

Аллочка в ответ мило сгримасничала, как бы говоря: «по-

смотри на меня – разве от меня можно что-то утаить».

– Ах, ну да, конечно... Только что рассказывал.

– Представляешь, какая сволочь! Ну, понимаю, можно где-то подыграть гонорароплательщику... но вот так уничтожать человека, – совсем, может быть, неплохого человека, кстати! – это предельно жестоко. Ведь от такого ему уже не отмыться никогда. Даже если это только в «Пурге» пойдёт. Никакие опровержения, оправдательные судебные решения, ничего ему уже не поможет. И это ведь не в первый раз: Листин этим постоянно занимается! Он и своих уже продаёт. Смотри, будет вариант, он и тебя кому-нибудь за пару штук впарит – и не задумается даже. Кроме всего прочего, это совсем небезопасно, так что ты поосторожней с ним, не вздумай от него халтурку брать.

Коврин тоже недолюбливал Листана, считая его довольно подленьким, скользким типом. Однако он никогда не осуждал его за его профессиональную деятельность, мало того – завидовал ему и отдавал себе отчёт, что не отказался бы от той же доли.

Но вот слова Аллочки, – почему-то именно сейчас, хотя она отзывалась о Листине подобным образом уже неоднократно, – заставили Коврина всерьёз задуматься. Конечно, Листин занимается грязным делом, продажным, безнравственным. Но и Коврин, откровенно говоря, служа в «Жёлтой пурге», недалеко от него ушёл, вернее, не на много отстал. И надо же – такое положение вещей стало для него по-

чти нормой. Именно – стало. Несколько лет назад в сознании Коврина рисовалась совершенно иная шкала жизненных ценностей. Как он изменился! Сейчас эта метаморфоза предстала очевидной. Сторонники философской концепции субъективного идеализма представляют себе окружающий мир конкретного человека отражением его внутреннего мира, мыслей, чувств. Сознание определяет бытие. Если это действительно так, то окружающий мир за последнее время должен был изрядно погрузиться в цинизм, безнравственность, равнодушие, зависть, пошлость и алчность.

Интересно, а ведь сознание людей в разные периоды существования человечества имело принципиально отличные характеристики. Например, было время, когда люди не имели возможности врать. Не то, чтобы они это считали плохим, аморальным – нет, просто не имели такой психофизической способности. Совсем. Сейчас, в мире, где ложь естественна, как рассвет, такое вообразить невозможно – это другой мир, другое измерение, хотя находился он тут же, на этой самой Земле. Любопытно представить, как поведёт себя подобный индивид, если попросить у него денег, учитывая, что он определённо располагает требуемой суммой, но не желает с ней расставаться. Он не сможет, подобно нашему современнику, элементарно соврать, сказав, что денег нет. Он скажет, что, конечно, имеет возможность дать денег, но не имеет желания, потому не даст. Или если спросить у вора, крал ли он деньги, он ответит, что крал – не сможет сказать по-

другому. Хотя, наверное, те люди и воровать-то не могли...

Получается, при всех тех же объективных внешних атрибутах жизнь людей с другим сознанием является принципиально иной. Смотря на всё то же самое – реку, дерево, траву, животных, птиц, людей – люди разного сознания видят принципиально разное. Возможно, и совершенно противоположное. Вот, если бы человек относился, например, к крокодилам не как к опасным диким животным, – со страхом, а как к милым домашним зверюшкам, – с нежностью и умилением, то и крокодил бы вёл себя подобно щенку карликовой таксы, с удовольствием резвясь в обществе человека, радуясь его вниманию, принимая с благодарностью пищу из его рук, совершенно не проявляя агрессии. Сознание человека не оставило бы крокодилам возможности вести себя иначе. И не такая уж это далёкая от реальности картина. Например, святой Серафим Саровский дружил с дикими животными. Известная икона изображает, как Преподобный Серафим кормит медведя. Свидетельства гласят, что он так же тесно общался с волками, лисами, и даже ядовитые змеи питали к нему тёплые чувства. В сознании святого была вера в то, что все эти твари – его друзья. «По вере вашей да будет вам» – говорит нам Иисус Христос. Выходит, достаточно поверить во что-то, как это «что-то» тут же претворится в жизнь. Проблема только в том, как поверить, как изменить наше костное сознание, основанное, – как нам представляется, – на совершенно чётких, подтверждённых эмпирически

данностях. А ведь эти данности готовы рухнуть перед взглядом нового сознания.

Перемены в окружающем мире – это перемены в нашем сознании, в сдвиге нравственных, моральных устоев, изменение отношении человека к человеку, к людям, к миру. И сейчас эти сдвиги происходят, увы, не в лучшую сторону. Есть распространённое мнение, что технический прогресс меняет жизнь человека к лучшему. Однако такие новшества, если приглядеться, мало меняют мир. Большая ли разница – врёт ли человек при личном общении, по телефону, по электронной почте, по телевизору, по факсу или по скайпу? Ворует из сундука или с кредитной карты? Вряд ли это что-то меняет по сути. А вот принципиальная невозможность лжи и воровства – это уже совсем другой мир.

Тем временем Аллочка исчезла, оставив только невероятно свежий, лёгкий аромат. Редкой женщине дано такое свойство – обладать особым, только ей присущим ароматом.

Коврин ещё некоторое время с наслаждением вслушивался в это дивное, неповторимое благоухание, после чего направился в офис.

Быстро доделав материал и завизировав его у Шарвунца, Коврин не медля сел в свой старенький «Мерседес», чтобы в очередной раз вступить в неравный бой с демоном московских пробок. Через полтора часа упорного противостояния он, усталый, но непобеждённый, съехал с Каширского шоссе в родное Орехово-Борисово. Припарковав авто у своего

подъезда, Коврин купил несколько журналов и газет и направился в ближайший бар – снять напряжение последних дней.

Отхлебнув пива и закинув в рот две фисташки, Коврин развернул газету, но не смог сосредоточиться на чтении, мысли уносили его в детство. В последнее время он стал замечать, что довольно часто окунается в воспоминания, чаще – в детские. Воспоминания отличались чрезвычайной яркостью и изобиловали мельчайшими подробностями. Возможно, судьба таким образом обращала его внимание на то, что наступил момент в жизни, когда пора остановиться и оглянуться назад, дать некоторую оценку прожитому.

...

Вот и теперь Алёша, приведённый своей бабушкой в советскую школу, сидел за одной партой с незнакомой, пахнущей хозяйственным мылом девочкой, голову которой обрамляли безвкусные, непропорционально огромные для её маленького, некрасивого личика, белые банты. Класс был украшен цветами и шарами, на грязно-коричневой доске крупными белыми буквами значилось: «С ПЕРВЫМ СЕНТЯБРЯ, ДНЁМ ЗНАНИЙ!». Алёша без особого труда смог прочитать это. Его родители и бабушка с дедушкой уже давно твердили про первое сентября, что это – особый для Алёши день, радостный и счастливый. Однако теперь Алёша почему-то не ощущал совершенно никакой радости и тем более – счастья. Он был напуган, растерян, чувствовал себя обманутым, брошенным, слабым и одиноким, и хотел он, по

сути, только одного – вернуться домой. Алёша искренне не понимал: для чего, чтобы научиться читать, считать, писать и получать другие знания, необходимо посещать это жуткое краснокирпичное четырехэтажное здание, набитое чужими людьми, маленькими и большими, ведь он с успехом научился читать дома в доброй, привычной для него атмосфере, среди родных, любящих его людей. Родители покинули класс, и сорок маленьких мальчиков и девочек остались во власти злобной, некрасивой, отвратительно пахнущей старухи, которая улыбалась толстыми кривыми губами, демонстрируя детям жёлтые здоровенные зубы, и страшным низким грудным голосом говорила что-то. Алёша был слишком испуган и потерян, чтобы понимать смысл слов. Если до этого момента в его такой чистой ещё душе теплилась надежда, что посещения школы удастся избежать, то теперь она рухнула окончательно. Он уже знал со слов взрослых, что в школу придётся ходить бесконечно долгие десять лет, и теперь ясное осознание неизбежности этого ввергло его в состояние оцепенелого ужаса.

Казалось, прошла целая вечность, пока Алёша не вышел из класса, и его не взяла за руку бабушка. Как она ни старалась, Алексей не делился впечатлениями от первого учебного дня – он всю дорогу молчал. И, только пообедав и усевшись на пол, расставляя солдатиков, он уже безнадежно, чисто механически, наперёд зная ответ, спросил у бабушки:

– Баушк, а действительно обязательно-обязательно ходить

в школу? Ведь в сад я не ходил...

– Да, Алёшенька, в школу ходить обязательно. А что, тебе не понравилось?

Алёша горько вздохнул, пожал плечами и подумал, что, может, это только он такой чудной – ему не нравится школа, а другим – всем тем тридцати девяти ребятам, которые сидели с ним в классе – очень даже это все нравится.

...

Тут где-то рядом зазвучала песня «Дом Жёлтого Сна-2» в исполнении группы Чёрный Обелиск. Коврин не сразу понял, что это – его мобильный телефон. Он уже было хотел отменить вызов и отключить телефон, досадуя, что не сделал этого раньше, однако, бросив взгляд на сверкающий экранчик и увидев надпись «Надя», поспешил нажать зелёную кнопку и приложить серебристый прямоугольничек к уху.

– Привет, Надюш.

Это звонила девушка, в которую года полтора назад Коврин был безумно влюблён, да и сейчас испытывал крайне тёплые чувства – наверное, это была любовь. Более того, Коврин знал, что и Надя любила его... по крайней мере, их влюблённость была взаимной – это точно. Судьба распорядилась так, что дорогие друг другу люди расстались. Сейчас это необъяснимо, но тогда всё затмил гнев, обида на то, что любимый человек – тот, которому ты так доверял – не понимает тебя. В разлуке прошло более полугода. И вот теперь её голос шелестит в трубке:

– Лёш, ты где сейчас?

– Я в Орехове... у себя, отдыхаю.

– Ой, здорово, я тут рядом... хочу заскочить к тебе, поговорить надо.

Коврин планировал отдохнуть в одиночестве и совершенно не хотел встречаться с кем бы то ни было, но в данном случае отголоски былых чувств вынудили его согласиться.

– Ну, давай, подъезжай... я в баре... ну, ты знаешь, где обычно.

– Ага, всё, еду.

Коврин взволновался, предвкушая встречу. Он залпом допил пиво и заказал ещё кружку пива и кофе с тирамису для Нади – она так любила этот десерт. Любовь... Да, в первое время после расставания Коврин много думал о том, что же это такое – любовь, зачем она. И чем дальше, тем всё более убеждался, что любовь, скорее, зло. Как хорошо было бы просто наслаждаться телом своей сексуальной партнёрши! Так нет же – чувства какие-то возникают... Чувства эти странные... скорее – неприятные, и очень сильные. Они захватывают человека, лишая собственной воли. Вот, говорят, от любви до ненависти – один шаг. Это не так: ненависть – одна из составляющих любви. Любящий человек готов и восхищаться, и презирать, и бить, и ласкать, и ненавидеть, и обожать предмет своей любви одновременно; он безумно хочет и обладать предметом любви, и быть с ним для него – мука. Для любящего человека реальным остаётся только

объект его любви, и то – в сильно искажённом виде, а уж окружающий мир через призму такого чувства вообще предстаёт призрачной ничтожностью. Система ценностей рушится, человек гибнет.

И вот эта любовь во всей своей плоти, элегантно одетая, подошла к столику, провела по волосам Коврина ладошкой и сказала: «Привет».

– Привет, присаживайся, выпить хочешь?

– Нет. А кофе выпью, спасибо.

– Ну, как дела?

– Да нормально, вроде, всё. Только вот Сашка, брат, меня беспокоит. Об этом я и хотела поговорить.

– Что с ним?

– Что-то странное с ним происходит. Поведение его в последнее время резко изменилось. Раньше он такой внимательный ко всем был. К родителям, ко мне, к жене своей. А дочку как любил! А теперь какой-то безразличный стал ко всему... вернее, не ко всему... к нам, к работе. А вот чем-то другим он наоборот – загорелся. Чуть ли не каждый день в пять утра из дома уходит, бывает и вечерами где-то пропадает. Дома за компьютером всегда сидит и не играет, а читает что-то. Ну, вот я и подумала, что, может быть, в секту попал или что-то подобное...

– Ну, а ты не пыталась с ним поговорить на эту тему?

– А как же, конечно! Только у него один ответ: «Всё нормально, сестрёнка, не заморачивайся». И родители с ним пы-

тались говорить, и жена... всё впустую... Боюсь я за него, уж больно доверчивый он. Обманут, подставят, пропадёт!

Коврин не считал Сашу излишне доверчивым и вообще не разделял Надиных тёплых чувств к нему.

– Ладно, а чего ты от меня хочешь?

– Ну, как же, ты же журналист! Проверь там по своим каналам, что на самом деле происходит. Расследование проводи журналистское или как там это у вас называется...

– Знаешь, если честно, Надюш, я думаю – ерунда эти все твои опасения. Но исключительно ради тебя я попробую. Пошарю там, сям, может, и узнаю чего.

– Спасибо, Лёшка, я на тебя надеюсь! – Надя допила последний глоток кофе, схватила сумочку и привстала. – Ну, всё, я побежала, а то мне ещё на встречу надо успеть. Пока-чмоки. Я позвоню.

– Как? А я думал, пообщаемся.

– Лёшка, хороший мой, – Надя ласково провела по его щеке сухой тёплой ладошкой и чмокнула влажными губами в нос, – давай в следующий раз... времени – ноль. Ладно, мышик?

– Ну, ладно. Пока... пока...

Своё второе «пока» Коврин произнёс, когда Надя уже переступила порог бара.

Глава 4

Выходные прошли, как бесцветный сон. Других дел не нашлось, и можно было заняться проблемой Надиного брата. Надежды, конечно, немного, но всё-таки – вдруг это та самая сенсация, которая наконец-то спровоцирует профессиональный прорыв! Так бывает – незначительное, казалось бы, событие влечёт за собой грандиозные последствия. Притом секты, очевидно, скрывают в себе множество тайн, которые способны засверкать самыми неожиданными красками, если вытащить их на всеобщее обозрение. Тема перспективная. Так что, даже если история с Надиным братом окажется пустышкой, это направление в любом случае стоит проработать.

Начать Коврин решил со слежки за Сашей, чтобы выяснить, куда он на самом деле ходит. Поскольку тот, со слов Нади, уходил из дома в пять утра, чтобы его подкараулить надо было выйти из дома в четыре – начале пятого. При таких обстоятельствах Коврин решил не ложиться спать совсем. Прободравшись всю ночь, ровно в четыре двадцать пять он вышел из дома.

Темно, сыро, безлюдно. Поёжившись, Коврин взглянул в набухшее от влаги небо, тяжело вздохнул и пошёл к своей ракушке. Замок привычно долго не открывался, не менее привычно взбесив этим Коврина. Заведя авто, Коврин вышел

из гаража и закурил. Уличные фонари лениво освещали безлистные ветки деревьев. Коврину в этот момент вспомнилось, как он второклассником смотрел на эти же самые деревья. Тоже тёмным ранним утром, тоже зимой. Только тогда деревья были покрыты инеем, а под ногами хрюпал рассыпчатый снег, вместо теперешней хлюпающей слякоти. Во рту ощущалось стойкое послевкусие яичницы, портфель часто и больно бил по правой икре и очень хотелось спать. В голове прокручивалось стихотворение русского классика. Стихи Коврину не нравились, учить их казалось делом бессмысленным и скучным, но не выучить было страшно, ведь злобная старуха-учительница с нерадивыми учениками обходилась жестоко: хватала за грудки, подвигала лицо к своему рту и бешено орала в это самое лицо. Смысл слов, как правило, не доходил, но сама экспрессия и высокий уровень шума приводили в оцепенение не только лицо, непосредственно подвергающееся истязанию, но и весь класс. Один мальчик, помнится, от такой экзекуции обмочился. После чего даже не был отпущен домой, но стоял при всём классе у батареи – сушил штаны. Это была пытка ещё страшнее, чем сам ор. Сейчас это казалось диким, но тогда маленькие люди, не видевшие других учителей и поэтому не имевшие возможности сравнить, думали, что так и надо, и послушно рассказывали своим родителям со слов учительницы про то, какая та замечательная, добрая, заботливая и как они её любят. «А сор из избы не выносят!» – не забывала напоминать детям

старуха.

Каракнула ворона, и Коврин очнулся – пора. «Мерседес» попетлял знакомыми дворами и вскоре остановился у одного из многочисленных панельных домов. Коврин отыскал взглядом белый «Фольксваген Пассат» и выбрал место для парковки таким образом, чтобы тот был виден. Ждать пришлось недолго, через пару минут из подъезда вышел бодрый плечистый парень с барсеткой в руке, сел в «Пассат» и, не дав авто прогреться, резко рванул с места. Коврин не сразу среагировал и ему пришлось постараться, чтобы не упустить объект слежки из вида. На светофоре на выезде на Каширское шоссе Коврин неосмотрительно остановился прямо за «Пассатом», рискуя обратить на себя внимание его водителя. Однако опасения оказались напрасными: Саша всё время ожидания зелёного света смотрел куда-то вниз перед собой, совершенно не обращая внимания на соседей по проезжей части. Дальше было проще: на Каширке уже было достаточно машин, чтобы затеряться среди них. «Пассат» свернул на проспект Андропова, миновал музей-заповедник «Коломенское», Нагатинский мост, а затем свернул направо, в Кожухово. Коврин отметил, что в условиях отсутствия пробок время на этот путь сокращалось буквально в десятки раз. Не доезжая до Автомобильного рынка, «Пассат» ещё раз свернул направо и скрылся во дворах. Коврин к тому моменту, не сумев выдержать оптимальную для слежки дистанцию, подотстал и не успел заметить, куда именно тот направился. При-

шлось плутать по незнакомым дворам в поисках. Коврин уже начал было подумывать о том, что «Пассат» мог проследовать транзитом через эти дворы и теперь его уже не найти, как вдруг увидел авто, запаркованное на тротуаре. Саши в салоне не было. Коврин заехал за угол дома, оставил там машину, а сам вышел обследовать местность. Он быстро обошёл небольшой, узкий дворик, зажатый двумя малоэтажными домами, отметив, что, помимо квартир в домах располагались салон красоты «Ариадна», «Металло-ремонт. Изготовление ключей», магазин «Мебельный» и подвал с вывеской «Тропа Йогина. ОМ». Пожалуй, эта-то вот «Тропа» вполне могла служить сектантским логовом. Однако уверенности, что Саша скрылся именно там, естественно, не было. Коврин, ругая себя за нерасторопность и, не имея лучших идей, вполне резонно заключив, что Саша когда-нибудь обязательно должен вернуться к своей машине, устроился на неприметной лавочке в кустах и приготовился ждать. Безрезультатно просидев так почти целый час и потеряв терпение, Коврин решил было приступить к активным действиям... Однако что именно предпринять, он определить не мог. Коврин встал, подошёл к двери с вывеской «Тропа Йогина. ОМ», потоптался на месте, но, так ни на что не решившись, вернулся на свою лавку. Как только первая ягодичка коснулась деревянной поверхности, Коврин ощутил невероятное утомление и резь в глазах. Начала сказываться бессонная ночь. Дальше силы стали просто вытекать из него, как

через сито вода. Коврин решил не мучиться дальше и поехал домой – спать.

Дневной сон был неглубоким, тревожным и непродолжительным. Проснулся Коврин не в лучшем состоянии: тело было вялым и малопослушным, голова болела, в груди царапался своими острыми холодными коготками эмбрион депрессии. Желая побыстрее прийти в себя, Коврин залез в ванну и пролежал там с полчаса, затем съел щи и опять лёг на диван. Мысли вяло ворочались вокруг утренних событий. Продолжить изыскания он планировал завтра – поехать пораньше сразу в тот двор, где сегодня оставлял машину Саша, и ждать его там, чтобы уж наверняка определить, куда тот ходит. Вдруг Коврин вспомнил, что несколько лет назад как-то общался с одним угрюмым и малопривлекательным в общении журналистом, который, в частности, довольно серьёзно занимался вопросами сект. Сейчас он мог бы быть полезен. Вроде, журналист этот оставлял Коврину визитку... Сначала Коврин просмотрел записную книжку в мобильном телефоне – искомым координат там не оказалось; потом он пролистал записную книжку в домашнем радиотелефоне – тот же результат; пошарил в компьютере – тщетно. Видимо, не слишком высоко ценил он это знакомство, раз уж даже телефон переписать не потрудился. Тогда Коврин начал перебирать бумаги. Он копался не менее получаса, пока его настойчивость не была вознаграждена, и он не вытащил на свет люминесцентной лампы маленькую потёртую визитку с те-

лефонным номером Евгения Крюкина.

– Алё, Женю будьте любезны.

– Его больше нет, – ответил мягкий женский голос.

– Что значит: «больше нет»?

– Его убили.

– Как?

– Не знаю, нашли в лесу с отрезанной головой.

– Когда?

– Неделью назад год был.

– Простите, а вы?..

– Я его дочь. А кто беспокоит?

– Я его коллега... приятель... Алексей. Коврин.

– Простите, я вас не помню.

– Да, мы с вами не знакомы... уфф... Как вы смотрите на то, чтобы нам встретится, пообщаться с глазу на глаз?

– Зачем?

Коврин не знал ответа на этот вопрос, предложение он выдвинул, не думая, руководствуясь исключительно репортерским рефлексом. Однако промедлил он только секунду:

– Как я вам уже говорил, я коллега вашего отца... так вот, сейчас я пишу книгу о неординарных людях нашей профессии, в частности – о вашем отце. Теперь, поскольку его нет в живых, я просто обязан подготовить о нём отдельную главу. Буду бесконечно благодарен вам за любую информацию о нём...

Коврин мысленно похвалил себя за натуральную трево-

гу в голосе – его тенор звучал прерывисто и мрачно. Женский голос помолчал несколько секунд, а затем почти шёпотом произнёс:

– Хорошо. Я смогу встретиться завтра с вами. Положим... в пять часов...

– Где?

– Давайте встретимся около консерватории, прямо у памятника. Вас устроит?

Коврину очень не хотелось тащиться в центр Москвы в час пик, да ещё после утренней слежки за Сашей, но, прикинув, что девушка может закапризничать и вообще отказаться от встречи, поспешил выпалить: «Да».

Положив трубку, Коврин возбужденно заходил по комнате. Надо же – убили Крюкина! За что, интересно?.. В политику он, вроде, не лез. Странно. Такой был тихий сумасшедший, повёрнутый на эзотерике и прочей чепухе.

Захотелось есть. Пошарив по кухне, Коврин обнаружил, что еды в доме не осталось совершенно. Даже хлеба. Придётся идти обедать в бар. Коврин нехотя оделся и медленно побрёл привычным маршрутом, не тратя силы на обхождение луж. По пути он несколько раз кивнул приветствовавшим его прохожим, отметив, что не узнаёт их.

Коврин занял любимый столик в дальнем углу. Из-за барной стойки Коврина поприветствовал бармен Никола, повертев в воздухе литровой бутылкой текилы. Коврин в ответ продемонстрировал ему свою ладонь. К столику подбе-

жал знакомый официант Сергей – худой и высокий шустрый парнишка лет двадцати двух:

– Добрый вечер.

– Привет, Серег, как жизнь?

– Зашиваемся, все болеют, а мы втроём тут, да ещё девчонка неопытная. И это на весь зал. Ну, чего будешь?

– Давай мне бифштекс с картошкой фри, салат какой-нибудь, и пока это всё готовиться будет, давай мне коньячку грамм двести.

– Коньяк как обычно?

– Да.

Коврин вальяжно развалился и закурил. Сквозь табачный дым и полумрак он отвлечённо наблюдал, как к барной стойке подошёл крупный мужчина в длинном чёрном плаще и шляпе, глубоко посаженной на глаза. Николя налил ему водки, тот выпил. Они перекинулись парой фраз, после чего бармен коротко кивнул и снова наполнил рюмку, которую мужчина подхватил двумя пальцами и направился в зал. Коврин с неприятным удивлением отметил, что мужчина уверенно держит курс прямо на него. Подойдя вплотную к ковринскому столу, мужчина, не сказав ни слова, резко отодвинул стул, сел и опрокинул содержимое рюмки в себя, глубоко запрокинув голову назад. Коврин почувствовал себя неудобно.

– Коврин Алексей Павлович? – хриплый баритон прозвучал угрожающе.

– Положим... но... что вам... что вам нужно?

– Мне нужно, – баритон взял паузу, пока его хозяин достал трубку из кармана, набил её табаком и закурил, обдав Коврина приторным дымом, и только затем продолжил: – Мне нужно набить тебе бока, Ковёр дырявый!

В ту же секунду мужчина снял шляпу и громко раскатисто захохотал. Коврин застыл в испуге и недоумении.

– Ну что, не узнаешь друга детства?

Коврин ещё некоторое время с тревогой внимательно вглядывался в лицо гостя, а затем, наконец, просиял.

– Рома?! Рома Крылов! Птица! Ах ты, глупый пингвин! Где ж ты всё это время своё тело жирное прятал?

Да, это был Роман Крылов – многодавний друг Коврина. Как они оба любили рассказывать, познакомились будущие друзья ещё до рождения – их матери общались, будучи беременны ими.

Друзья тепло обнялись.

Замешательство Алексея объяснялось сильно изменившимся обликом Романа. Он значительно погрузнел, его круглый подбородок теперь украшала густая, чёрная, длинная борода, над тонкой верхней губой по-хозяйски устроились усы, тоже густые и чёрные. Вместо короткого «ёжика» – длинные, одноцветные с лицевой растительностью, волосы, разделённые на две равных части прямым пробором; они сходились сзади и свисали на спину толстым хвостом. Глаза... взгляд его серо-зелёных глаз, некогда колючий, жёст-

кий, бескомпромиссный, теперь приобрёл теплоту и плавность.

– А ты здорово изменился! Что с тобой произошло?

– Да много чего... А ты как?

– Да ничего интересного – работаю в одном таблоиде.

– Семья есть?

– Нет, не обзавёлся ещё. А у тебя как с этим?

– Сынишке четыре года, второй на подходе.

Тонкие губы Романа расплылись в счастливой улыбке.

– Что ж, молодец, – равнодушно сказал Коврин. Он никогда не разделял каких-то особенных чувств людей в отношении детей. – А что всё-таки за вид такой странный у тебя... Ты... ты на... на священника похож!

– Ха-ха, молодец! В десятку попал.

– Не шутишь?

– Да нет, всё серьёзно. Позвольте представиться – иерей, отец Тихон.

– О-о... хо-хо! Ну, ничего себе. Извини, никак не ожидал! Уж кто-кто, но чтобы Рома Птица – хулиган, гуляка и развратник... и – иерей, отец Тихон! Не могу поверить! Абсурд. Как же такое могло произойти?

– Да, ты прав. Но, воистину, пути Господни неисповедимы. А было всё так. Демобилизовавшись, вернулся домой. Ну, ты помнишь, мы тогда встречались, бухали. Ну, чего, побухал, погулял... Мать, оказалось, не особенно меня ждала. Она уже тогда здорово пила. Мужика-бухарика себе за-

вела. Вот, пока у меня деньги были, они меня терпели – бухали вместе, а потом начали меня из дома выживать. Я этому уроду, конечно, морду бил несколько раз... Но что толку – мать за него заступается, плачет. Я от обиды и отчаяния ушёл служить по контракту... на войну. Три года отслужил. Когда подошёл срок контракт продлевать, мне боевой товарищ – Антоха Дроздов – предложил к нему в Томск махнуть, бизнесом заняться. Ну, я подумал, подумал – дома меня не ждут (мать ни одного письма за три года не прислала!) и рванул с ним. Сначала у Антохиной мамы жили, она нас всё откармливала – очень вкусно готовила. Отдохнули, отогрелись, в общем... Потихоньку бизнес замутили – обувной магазинчик соорудили. Всё удачно получилось. Начальный капитал был, – заработали как-никак! – у Антохи знакомства в городе кое-какие были... ну, и пошло поехало. Познакомился вскоре с Настей, с женой своей нынешней. Повстечались чуток, потом я квартиру нам снял. Стали вместе жить. Вскоре сынок родился, Лёшка. Здорово было: любовь, дружба, дети, дело – как в книжках. А потом, знаешь, началось со мной твориться что-то: страхи появились, кошмары снились, чувство вины, тревога беспричинная. Эхо войны. Я к врачам обратился, а они: не нервничать, режим, таблеток горы. Я таблетки пил, конечно, но всё впустую – иногда чуть отпустит, а потом снова. Ну, я и бросил эти лекарства – испугался подсесть на них. Пить стал. Запойно так. Понятно, что всё только усугубилось – кошмар стал наяву... вернее

– явь стала сплошным комаром, а сон нормальный я вообще потерял. В общем, дело к дурдому шло... или к могиле. Как меня Настя тогда терпела – для меня загадка до сих пор, но она меня в итоге и спасла. Однажды с очередного дикого бодуна я не выдержал и исповедовался ей – рассказал, что со мной твориться... как на духу! Эмоционально так, в слезах. Другая бы и слушать не стала, а эта выслушала и поняла. Водки даже налила рюмку и сказала, чтобы я, мол, в тот день из дома не выходил, а она попробует мне помочь. На следующее утро отвела она меня... в церковь. Её мама была очень религиозным человеком, и у неё в Богоявленском соборе знакомый настоятель был – Отец Николай. И вот она с ним договорилась, и принял меня Отец Николай. Поговорили мы с ним по душам, решили, что мне обязательно надо крещение принять. Я же не крещёный был. И вот в ближайшую субботу окрестил меня сам Отец Николай. Потом исповедовался я, причастился. Естественно, веры тогда во мне особенной не было, но я, уцепившись за соломинку, начал книги читать, которые Отец Николай посоветовал, молиться понемногу начал, в церковь ходить. Смотрю я, через некоторое время Настя успокоилась, такая счастливая всё время, улыбается. Ну, и мне интересно стало – практически новая жизнь открылась! Всё лучше, чем бухать... да и на душе легче стало, спокойнее. Вот так и пошло-поехало. Появились вопросы, стал искать на них ответы, и вскоре мало-помалу во мне вера зарождаться стала. Огромное спасибо надо ска-

зять здесь Отцу Николаю – очень он мне в этом помог. Дальше – больше, и решил я в итоге стать священнослужителем. Посоветовался с Отцом Николаем, и он дал принципиальное добро и помог мне подготовиться к вступительным экзаменам в Томскую семинарию. Отучился там пять лет и пришёл служить в Богоявленский собор к том же Отцу Николаю. Вот так вот...

Друзья некоторое время молчали.

– Да, ну и судьба! Роман можно писать!

– Ну, вот и напиши!

– Возможно... Ну, а сейчас зачем вернулся?

– Мать померла, может, слышал?

– Нет. А давно?

– Позавчера хоронили.

– А когда обратно?

– Пока не знаю, мне с наследством надо разобраться. Мать не оставила завещания, родственников у нас нет. В общем, унаследую я квартиру. Вернее, половину квартиры – половина-то и так моя. Будет у меня в собственности двухкомнатная квартира в Москве – целое богатство по нынешним временам. Я ещё не решил, – может, перееду теперь. Думаю пока. Вот так.

– А что ж ты со мной на связь не вышел сразу, как приехал?

– Я пытался. Звонил тебе на городской – никто не отвечает. Заходил к тебе пару раз – не открыл никто. Мобильного

твоего я не знаю. Вот, узнал через знакомых, что ты здесь бываешь частенько, стал захаживать – так и встретились.

– Да уж... Хм, теперь было бы здорово, если б ты переехал сюда – начали б снова общаться!

– Может быть...

– Слушай, а как это вообще?

– Что?

– Ну, вера, церковь?

– Хм, если в двух словах – это очень красивый, гармоничный мир, сильно отличающийся от того, где живут неверующие люди.

– А можешь поподробнее как-нибудь?

– Ну, а что именно тебя интересует?

– Ну, объясни на примере на каком-нибудь... Вот, допустим, ты только что рассказывал о своём крещении, вот объясни: какой в этом смысл.

– Серьёзная тема. Ну, ладно, давай тогда закажем выпить и поговорим.

Друзья заказали водки и еды, Роман раскурил трубку и продолжил:

– Не знаю, смогу ли я тебе всё это понятно рассказать. Ну, уж как смогу – как сам понимаю – скажу. Ну, что ж... значит, так. Думаю, не открою тебе секрет, если скажу, что, рождаясь на свет, ребёнок испытывает чудовищный стресс, физические и ментальные страдания. Да что там, ему ужасно больно и страшно: из привычной комфортной атмосферы

ры его выталкивает неведомая сила и волочет его, не особенно заботясь о безопасности, по родовому каналу и отрывает от тела матери, которое его кормило и оберегало всю его короткую жизнь. Для первого вдоха необходимо освободить лёгкие от жидкости и заполнить альвеолы воздухом. Как ты думаешь, насколько это просто для пятидесятисантиметрового человека, не обладающего жизненным опытом? В общем, при рождении человек получает психологическую и физическую травму, и её характер зачастую влияет на всю его жизнь. И после этого мы требуем от человека какого-то добра, сочувствия и подобного. Справедливо ли? Суть – рождаясь, ребёнок попадает в наш истинно прекрасный мир, но мир этот скрыт от новорожденного вселенскими силами, обрушавшимися на него. Силы искажают всё болью, страхом, холодом, голодом и прочими невзгодами. В восприятии человека мир предстаёт раздробленным, и его части бессистемно перемешаны. Перепутано всё: единый, упорядоченный мир представляется хаосом мириада бессмысленных вещей. Добро и зло, истина и ложь, порядок и хаос, хорошо и плохо – понять где что невозможно. Происходит обособление человека от самого себя и от мира, образуется некая оболочка. Я бы даже сказал лучше так: человек отделяется этой оболочкой от своей сущности и от Бога. Воля подавлена в самом зародыше, и могучие силы подхватывают человека и несут его неизвестно куда. Такое явление в христианстве называется «первородный грех». Какие же пути у человека

дальше?

По сути, есть всего три варианта. Первый. Человек не имеет возможности противостоять внешним силам, навалившимся на него и изолировавшим его, по сути, так и не зародившуюся волю. Такие люди существуют вне социальной среды. Так называемые маргиналы. Второй. Вектор развития личности направлен на общественную мораль, которой он и следует. Общество указывает ему что есть что: вот добро – вот зло, вот тьма – вот свет, вот зелёный – вот синий, вот круглый – вот треугольный; и расставляет акценты. Следует слепо. В таком случае, даже тщательнейшим образом, соблюдая социальные традиции, путь к истинному просвещению для такого субъекта закрыт. Такой путь слишком механичен и груб, чтобы привести к истине.

Здесь Коврин наконец понял, что ещё в образе старого друга представлялось ему незнакомым. Речь Романа никогда не отличалась богатством красок и даже страдала некоторым косноязычием. Сейчас же его вербальный поток стелился ровным, разноцветным, широким полотном. Особенно это стало заметно, когда Роман повёл разговор о вере.

– И, собственно, третий. Инициатический. В процессе инициации, в данном случае – крещении, человек мгновенно выходит на качественно новый уровень, стряхивая с себя лапы фатализма, готовый иметь волю, изменить мир в себе и себя в мире, ему открывается путь к центру Вселенной, к Богу. При крещении старый, как принято говорить – ветхий

человек, умирает, и ему на смену рождается новый человек. Новый человек обладает огромными возможностями, несопоставимыми с возможностями ветхого человека. Он уже находится на другом онтологическом уровне. Однако это не значит, что его дальнейшее совершенствование пойдёт само собой... наоборот, в отличие от тех, кто пошёл первыми двумя путями, от нашего нового человека для восхождения потребуются сверхусилия. Крещение – это только первый, начальный этап инициации. Есть и второй. Если в результате первого физическая смерть перестаёт означать полное исчезновение личности, то в результате второго смерть души, то есть слияние субъективной души с объективным духом – Богом, перестаёт означать полное исчезновение индивидуальной души.

– Как это?

– Личностная душа начинает воспринимать Бога как самого себя. Это вечная жизнь. Но не об этом сейчас... итак... сбил с мысли... в общем, крещёный, – за счёт пробуждения в нём тончайших фибр души, – потенциально способен напрямую общаться с Богом. Иными же словами – крещение снимает первородный грех. Ну, или, чтобы тебе понятней было, можно сказать, например, что крещёный человек потенциально способен воспринимать самые высшие вибрации – или как сейчас часто говорят, тонкие тела – Вселенной за счёт пробуждения в нём тончайших энергетических волокон.

– Никогда бы не подумал, что это настолько серьёзно. А

знаешь, не стану лукавить – не верю я в это, и не понимаю... Я, всё-таки, рассматриваю религию в традиционном научном ключе как систему моральных, этических, нравственных норм поведения, как некий консолидирующий пункт для общества, причём общества непр просвещённого, для удобства управления этим самым обществом. Ну, что-то в этом духе... Хотя, может, и есть что-то такое... Но мне, как человеку разумному, мыслящему необходимы доказательства...

– Э-хех... Лёшка. Открою тебе один секрет – Евангелие есть сугубо эгоистичная инструкция по пользованию жизнью! Библейские заповеди приносят пользу только человеку, их соблюдающему, а не власти, обществу или, положим, родственникам. К морали, нравственности и этике, как и к какому-либо обществу это не имеет ни малейшего отношения. В Новом Завете даже слов таких нет. Учение предполагает исключительно познание мирного сосуществования с Всевышним, достижение абсолютного личнo-го счастья. Хотя, конечно, это отличается от того, что представители церкви зачастую говорят публично. То ли ввиду социально-политической роли церкви, то ли из-за собственного недопонимания – они часто ведут речь как раз о морали, нравственности, благотворительности, альтруизме, социальной роли и прочей ерунде. К христианству это не имеет отношения – это политика, а не вера. Такие речи от лукавого, они вводят людей в заблуждение, отвлекают от сути учения.

– Ну, это уж ты совсем загнул! Как относятся к эгоизму

заповедь «возлюби ближнего своего»? А, как же это в твою схему вписывается? Зачем это мне, эгоисту? Какая такая мне польза любить чужих людей?

– «И какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» – ещё так учит Иисус Христос. А это значит и то, что, если ты будешь любить людей, то и они будут любить тебя! Поэтому соблюдать эту заповедь надо не для того, чтобы вознаграждать других, повышая свой моральный уровень, а чтобы получать от других – быть эгоистом! И заметь, обмен совершенно неравнозначный – если индивидуум отдаёт всем остальным только одну свою любовь, то все остальные ему взамен – свою. Получит-то он несопоставимо больше! Представь только: один человек отдаёт всему человечеству рубль, а взамен всё человечество скидывается ему по рублю. Кто же в выгоде остаётся, а? Следует, правда, учитывать, что закон этот работает не только в случае с любовью, но и во всех других случаях. Испытываемая к человечеству ненависть возвращается к человеку многократно.

Коврина взяло раздражение, он почувствовал, что его система ценностей покачнулась.

– Ну, а как же, к примеру: ударили по левой щеке, подставь правую? Ну, уж тут-то какой эгоизм, а? Не может тут быть никакого эгоизма! Эгоизм, это тебя ударили – врежь ему в ответ, чтоб не лез! Вот это эгоизм! Ну что, здесь-то ты как выкрутишься?!

– Да нет ничего проще! Дать в ответ – это значит спро-

воцировать драку, а в драке каждый участник получит уже не по одному удару. А подставить другую щёку – значит избежать повторного удара, – если агрессор увидит, что ему не отвечают на агрессию, выражают покорность, у него сразу пропадает желание бить дальше. Вот так! Да вспомни любую конфликтную ситуацию... чего проще! Вот на дороге, к примеру, тебя не пропускают, ты ему: «Урод, сволочь, гад, пусти, моя дорога!» Он, понятно, тебе в ответ, ты – ему, потом кулаки в ход пошли. Один в милиции, другой в больнице, и у обоих душевная рана – обида и гнев на оппонента. Теперь представь так: тебя не пропустили, ты ему: «Ладно, езжай, приятель, ты, видимо, торопишься», он тебе: «Спасибо, друг». Здоровье в порядке, душа радуется. Во втором случае ты поступил по-христиански. Что, как тебе лучше? Как лучше тебе, так и эгоистичней – согласен?

– Что-то ты меня совсем запутал... Ладно, вот посмотрим, как сейчас отвертишься. Почему же для эгоиста плохо быть богатым? В Библии ведь есть про это... Ну, что богатый не сможет попасть в Рай. Казалось бы, для эгоиста стремление быть богатым первоочередное, так ведь?

– Элементарно. Действительно, Иисус Христос говорит: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». Смысл здесь в том, что человек склонен беспокоится за своё имущество. Чем больше имущества, тем более поводов для беспокойства. Человек беспокоится за сохранность своего жилища, автомобиля,

одежды, переживает за свой доход. Если человек активный в бизнесе, то он боится потерять инвестиции, его беспокоят – просто до сердечного приступа довести могут! – вести с торговых бирж о ценах на золото, нефть, газ, зерно, курсы валют, котировки акций. Всё это – промысел бесовской, ведущий человека к гибели. Человек, не имеющий ничего, не имеет и поводов для беспокойства...

– Ага, вот ты и попался! Как же ему не беспокоится, если завтра ему будет нечего есть и негде спать – вот уж беспокойство, так беспокойство!

– Да, для неверующего человека это так и есть, потому он и склонен к губительному – в итоге – для своей души накоплению вещей разного рода. Это вместо того чтобы положиться на волю Божию и иметь свой «хлеб насущный», верить, что Бог обязательно даст ему всё необходимое для обеспечения жизнедеятельности. Вот в этом и проявляется истинная вера – верить не в то, что Бог есть, – как многие думают, а верить в то, что Бог любит человека и даст человеку всё необходимое; и человеку, имея такого могущественного покровителя, незачем беспокоится о чём-либо, ему остаётся только жить да радоваться. Иисус Христос чётко говорит на эту тему: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело – одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас,

заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут, но, говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всём этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своём: довольно для каждого дня своей заботы». Так вот, только Бог распределяет имущество, потому беспокоится об этом вредно – повлиять на это человек не может, а душе вреда нанесёт много. И Бог сам знает, кому и сколько чего положено. Человечество однако живёт в принципе по-другому. Все силы человек направляет на получение материальных благ. И совершенно справедливо по законам Божиим получает за это, вместо вожделенного счастья, страдания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.